

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

П.Я. ЯКОВЛЕВ

ДВУАЗЫЧИЕ И ЧУВАШСКАЯ ФОНЕТИКА: ПУТИ РЕШЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 33

П.Я. Яковлев

**ДВУЯЗЫЧИЕ
И ЧУВАШСКАЯ ФОНЕТИКА:
ПУТИ РЕШЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2020 год

Чебоксары 2021

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1
Я 47

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Яковлев П.Я.
Я 47 **Двуязычие и чувашская фонетика: пути решения теоретических и практических проблем / П.Я. Яковлев; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2021. — 56 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 33).**

Доклад посвящен анализу вопросов звукового строя современного чувашского языка, связанных с двуязычием его носителей. Особое внимание уделено определению роли письменности и орфографии в восприятии языковых фактов в области фонетики и фонологии. В ряде случаев пересмотрены оценки таких явлений, как заимствованные фонемы и ударение заимствованных слов. Отмечена крайне недостаточная разработанность теории орфоэпии и произносительных норм чувашского литературного языка.

УДК 811.512.111
ББК 81.2=635.1

© П.Я. Яковлев, 2021
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Проблема двуязычия является актуальной во всем мире в связи со стремительным ростом межкультурных связей. В науке существует два термина, фактически обозначающих одно и то же: «двуязычие» и «билингвизм». В целом двуязычие можно характеризовать как сосуществование двух языков в рамках одного языкового (речевого) коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. Оба языка образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношениях функциональной дополнительности.

Что касается чувашско-русского двуязычия, то вплоть до конца XX в. его можно характеризовать как *искусственный билингвизм*, когда ребенка обучают второму языку специально. Приступая к освоению нового языка, он уже обладает навыками родной речи, которую стремится перенести на изучаемый язык. Различают также *естественный билингвизм* — когда дети с рождения общаются на двух языках, и для ребенка обе культуры становятся родными. Сейчас естественный билингвизм наблюдается у детей, проживающих в сельской местности. Что же касается чувашских детей, проживающих в городской местности, то они, в основном, являются монолингвами, то есть носителями русского языка и культуры.

В настоящей работе мы не будем затрагивать вопросы социолингвистического характера. Дело в том, что двуязычие оказывает значительное влияние на все уровни языка: на синтаксис, морфологию и фонетическую структуру. Если новые синтаксические и морфологические модели, возникающие вследствие такого влияния, выражены явно и легко поддаются лингвистическому анализу, то фонетические и фонологические инновации происходят скрытно, то есть их выявление связано со значительными трудностями. Кроме того, следует заметить, что тема влияния двуязычия на чувашскую фонетику очень актуальна, к сожалению, в исследованиях чувашских языковедов еще не нашла достойного отражения.

Основной целью настоящей работы является выявление степени влияния двуязычия на различные разделы чувашской фонетики и обозначение путей решения возникающих в связи с двуязычием проблем.

Основная цель определила и конкретные *задачи исследования*:

1) изучение влияния двуязычия на систему фонем чувашского языка как в области вокализма, так и в области консонантизма;

2) рассмотрение вопросов становления и развития чувашской письменности на основе кириллицы под сильным влиянием русской письменности; определение истоков двусистемности чувашской орфографии;

3) выявление причин неразработанности чувашской орфоэпии;

4) анализ особенностей акцентуационной адаптации заимствованных слов в чувашском языке и степени влияния двуязычия на систему ударения чувашского языка.

По всем разделам настоящей работы, посвященной влиянию двуязычия на фонетику чувашского языка, обозначены пути решения этих вопросов, поскольку раскрытие закономерностей интерференции имеет важное значение и в теоретическом, и в практическом плане.

Как показывают результаты нашего исследования, двуязычие оказывает влияние не только на звуковую систему чувашского языка, но и на сопутствующие компоненты, такие как акцентуация, орфография и орфоэпия. Ввиду того, что русский язык (и шире — европейские) относится к флективным, а чувашский — к агглютинативным языкам, в работе применен *сопоставительный метод* исследования.

I. ЗВУКОВЫЕ СИСТЕМЫ ЧУВАШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

1.1. Система гласных фонем чувашского языка

Система гласных фонем чувашского языка базируется на трех основных признаках: *ряде, подъеме и лабиализованности*. Остальные фонетические признаки гласных (например, такие

как длительность, назальность и др.) для чувашского вокализма фонологически несущественны, то есть не могут являться дифференциальными признаками.

Таким образом, в современном чувашском литературном языке различаются 9 гласных фонем: |a|, |ǎ|, |y|, |ы|, |o|, |e|, |ě|, |ý|, |и|. Фонема |o| встречается в верховом диалекте, в литературном языке считается заимствованной из русского языка. Следует отметить, что фонема |o| проникает в литературный язык и из верхового диалекта, например, ряд топонимов верхового происхождения в современном чувашском литературном языке не имеет [y]-варианта.

Вокализм чувашского языка делится на гласные полного образования |и, ý, ы, у, е, а, (o)| и гласные неполного образования |ǎ, ě|. К переднему ряду относятся гласные |и, ý, е, ě|, к непереднему — |ы, у, а, ǎ, (o)|. Гласными фонемами верхнего подъема являются |и, ý, ы, у|, среднего подъема — |е, ě, ǎ, (o)|, нижнего подъема — |a|. Гласные |у, ý, (o)| относятся к огубленным фонемам, остальные к неогубленным.

Как и во всех языках сингармонического строя в чувашском языке существует парность гласных; сингармонические пары |a| — |e|, |ǎ| — |ě|, |y| — |ý|, |ы| — |и| являются основой чувашского вокализма, хотя «отнюдь не равноценны в смысле различий по дифференциальным признакам входящих в них гласных»¹.

Таблица 1

Гласные фонемы чувашского литературного языка

Подъем	Ряд		
	передний	непередний	
		средний	задний
Верхний	и ý	ы	у
Средний	е ě	ǎ	*o
Нижний		а	

* Фонема ограниченного употребления.

1.2. Система гласных фонем русского языка

Система гласных фонем русского языка включает в себя шесть фонем: [а, о, у, ы, э, и]. И в русском, и в чувашском языках гласные фонемы противопоставляются по трем дифференциальным признакам: ряду, подъему, лабиализации. Однако качество русских гласных определяется позицией в слове относительно ударения и соседством с другими звуками. В связи с этим они имеют оттенки, обусловленные позицией (позиционные оттенки), и оттенки, обусловленные влиянием артикуляции соседних звуков (комбинаторные оттенки). Для чувашского языка такие явления нехарактерны.

Наиболее независимым положением русских гласных является их изолированное произнесение.

Таблица 2

Гласные фонемы русского литературного языка

Подъем	Ряд		
	передний	непередний	
		средний	задний
Верхний	и	ы	у
Средний	е		о
Нижний		а	

Таким образом, в безударных слогах русские гласные подвергаются редукации, которая вместе с влиянием окружающих согласных приводит к появлению аллофонов (в Московской фонологической школе — вариантов фонем. — П.Я.), которые русские не различают на слух. Редуцированные гласные в русской орфографии не отображаются (см. табл. 3).

Из таблицы видно, что русские аллофоны (в нашей транскрипции — [ɤ], [ɤ]) в чувашском языке являются самостоятельными фонемами [ǎ], [ǐ]. Как было сказано выше, эти звуки неполного образования для русских неразличимы, поэтому фонетический и фонематический состав кажущихся почти одинаковых слов в орфографии по звуковому составу значительно отличается. Например: рус. *театр оперы и балета*, чуваш. *оперǎна балет театрǐ* [оп'ьрьǎца пǎл'ет т'е'атър'ь].

Таблица 3

Основные аллофоны гласных русского литературного языка

Бук- вы	Мор- фо- немы	Фо- немы	Под ударе- нием		В на- чале сло- ва без уда- ре- ния	В первом предударном слоге			В остальных безударных словах	
			между твер- дыми со- глас- ными	между мяг- кими со- глас- ными		после пар- ных твер- дых соглас- ных и /ц/	по- сле /ж/ /ш/	по- сле мяг- ких со- глас- ных	по- сле твер- дых со- глас- ных	меж- ду твер- дыми со- глас- ными
и, ы	[i]	/i/ /i/	[ɪ]	[i]	[ɪ], [ɨ]	[ɪ]	[ɪ]	[ɪ] ([i ^{не}])	[ɪ]	[ɪ] ([b])
е, э	[e]	/e/ /i/ /i/ /a/	[ɛ]	[e]	[ɨ]	[ɨ]~[ə]	[ɨ]	[ɪ] ([i ^{не}])	[ɨ]	[ɪ] ([b])
а, я	[a]	/a/ /i/	[a]	[æ]	[e]	[e]	[e]	[ɪ] ([i ^{не}])	[ə]	[ɪ], [ə]
о, ё	[o]	/o/ /a/ /i/ /i/	[o]	[ə]	[e]	[e]	[ɨ]	[ɪ] ([i ^{не}])	[ə]	[ɪ] ([b])
у, ю	[u]	/u/	[u]	[ɯ]	[u]	[ʊ]	[ʊ]	[ɤ]	[ʊ]	[ɤ]

1.3. Система согласных фонем чувашского языка

По месту образования согласные чувашского языка делятся на *губные* [п, м, в, (ф)] и *язычные* [т, т', н, н', ч, (ц), с, с', ш, л, л', р, j, к, х]. По способу образования согласные характеризуются как *смычные*, *щелевые* и *дрожжащие*. Смычные делятся на *смычно-взрывные* [п, т, т', к], *смычно-щелевые* (аффрикаты) [ч, (ц)] и *смычно-проходные* [л, л', м, н, н']. К щелевым относятся согласные [с, с', х, ш, в, (ф), j].

В чувашском языке к *шумным* согласным относятся |п, (ф), т, т', ч, (ц), с, с', ш, к, х|. Согласные [м, в, н, н', л, л', р, j] являются *сонорными*.

Основными закономерностями чувашского консонантизма являются:

- а) ослабление шумных согласных (соноризация);
- б) геминация;
- в) палатализация.

Ослабление шумных согласных весьма обстоятельно было описано еще Н.И. Ашмариним, Т.М. Матвеевым и Ф.Т. Тимофеевым. В дальнейшем эти вопросы развивались и углублялись такими исследователями, как В.Г. Егоров, А.С. Уськин, И.А. Андреев и В.И. Котлеев. Практически все исследователи, кроме В.И. Котлеева, усматривали в этом фонетическом явлении позиционное ослабление (озвончение) шумных согласных.

Уровень звонкости ослабленных шумных согласных в чувашском языке в сопоставлении с русским и татарским типами звонкости весьма обстоятельно был описан Т.М. Матвеевым. Впоследствии эти выводы были подтверждены экспериментально-фонетическими исследованиями У.Ш. Байчуры. Рассмотренный материал позволяет фонетисту утверждать, что звонкость или глухость слабых согласных в чувашском языке не имеет фонологического значения, а лишь является функцией определенных комбинаторных условий.

Хотя при описании чувашской фонетики разные исследователи пользовались термином «геминаты», истинная сущность этого фонетического явления осталась нераскрытой. Языковеды ставили знак равенства между такими терминами, как *долгие согласные, удвоенные согласные, геминаты*. С фонологической точки зрения эти термины обозначают совершенно разные явления. Опираясь на теоретические основы фонологии и анализируя фактический языковой материал, мы приходим к выводу, что одной из характерных особенностей чувашской фонетики и фонологии являются *геминированные согласные*. Таким образом, мы полагаем, что *корреляции по звонкости/глухости и долготе/краткости* являются для чувашского консонантизма мнимыми.

В чувашском языке из-за закона сингармонизма в одной и той же фонетической позиции из пары твердого и мягкого со-

гласного, как правило, может употребляться только один, то есть они не могут служить смыслоразличительными элементами. Однако историческое развитие чувашского языка привело к некоторым исключениям: *палатализованные* [л'], [н'], [т'] как в литературном языке, так и в говорах все более и более освобождаются от сингармонической обусловленности. *Палатальные* [j, ʧ, ʧ'] стоят вне сингармонизма и, в сущности, являются нейтральными.

Собственно чувашский консонантизм состоит из 17 фонем: [п, т, т', к, ч, с, ш, ʧ, х, в, j, л, л', м, н, н', р].

Таблица 4

Согласные фонемы чувашского языка

Место образования		Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Ретрофлексные	Велярные	По участию голоса
Способ образования							
Смычно-взрывные		п	т *т'			к	Шумные
Смычно-щелевые (аффрикаты)				ч			
Щелевые			с	ʧ	ш	х	
		в		j			Сонорные
Смычно-проходные	боковые				л *л'		
	носовые	м	н *н'				
Дрожащие			р				

* Фонемы ограниченного употребления.

1.4. Система согласных фонем русского языка

Согласные делятся на сонорные и шумные. К сонорным относятся [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j], остальные — шумные. Сонорные произносятся при участии голоса с добавлением незначительного шума. Шумные произносятся при участии шума и голоса (звонкие) или только шума (глухие). Как сонорные, так и шумные согласные различаются по месту образования (в зависимости от того, какие органы участвуют в артикуляции) и по способу образования.

Таблица 5

Согласные фонемы русского литературного языка

Место образования Способ образования		Губные		Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные			
				зубные		передне-небные						
Смыч-ные	взрыв-ные	б	б'	д	д'				г	г'	Звон-кие	Шум-ные
		п	п'	т	т'				к	к'	Глу-хие	
	аф-фри-каты			ц			ч'				Глу-хие	
Щелевые		в	в'	з	з'	ж					Звон-кие	
		ф	ф'	с	с'	ш			х	х'	Глу-хие	
Смычные		м	м'	н	н'						Сонорные	
Щелевые				л	л'			ј				
Дрожащие						р	р'					
		Твер-дые	Мяг-кие	Твер-дые	Мяг-кие	Твер-дые	Мяг-кие	Мягкий	Твер-дые	Мяг-кие		

Согласные в русском языке делятся также на твердые и мягкие, глухие и звонкие.

Парными по твердости/мягкости (то есть различающимися только по этому признаку) являются согласные: |п| — |п'|, |б| — |б'|, |т| — |т'|, |д| — |д'|, |ф| — |ф'|, |в| — |в'|, |с| — |с'|, |з| — |з'|, |м| — |м'|, |н| — |н'|, |л| — |л'|, |р| — |р'|, |к| — |к'|, |г| — |г'|, |х| — |х'|.

Парными по глухости/звонкости являются согласные: |п| — |б|, |п'| — |б'|, |т| — |д|, |т'| — |д'|, |ф| — |в|, |ф'| — |в'|, |с| — |з|, |с'| — |з'|, |ш| — |ж|, |ш'| — |ж'|, |к| — |г|, |к'| — |г'|. Непарные по этому признаку согласные: все сонорные (звонкие), |ц|, |ч|, |х|, |х'| (глухие).

1.5. О долгих согласных в русском языке

В фонетической системе современного русского литературного языка есть только два долгих согласных звука — мягкие шипящие [ж':], [ш':]. Эти долгие шипящие звуки не противопоставляются звукам [ж], [ш], которые являются непарными твердыми. Долгие согласные в русском языке образуются лишь

на стыках морфем и являются сочетанием звуков. Например, в слове *рассудок* [рл'с:уд'к] долгий звук [с:] возник на стыке приставки *раз-* и корня *суд-*. Возникающие в указанных случаях звуки не могут быть определены как долгие, так как они лишены различительной функции, не противопоставляются кратким звукам. Такие «долгие» звуки являются не долгими, а двойными. Слова с двойными согласными в корнях обычно являются иноязычными (*телеграмма, гамма, антенна* и т.п.). Малое количество таких слов и тенденции к сокращению долгих согласных в заимствованных словах (профе[с]ор, агре[с]ор, анте[н]а и т.п.) позволяют вывести данные факты за пределы фонологической системы русского литературного языка. Действительно, в живом произношении так называемые «долгие» согласные в заимствованных словах утрачивают долготу, то есть в большинстве из них в русском языке согласный не произносится как двойной. Замечено, что произнесение двойного согласного чаще всего сохраняется в положении после ударного гласного: *касса* [кас:ъ], *брутто* [брут:ъ], *ванна* [ван:ъ]. В других позициях двойной согласный, как правило, не произносится: *иллюзия* [ил'уз'и'я], *аккорд* [а'корт], *баллон* [бал'лон]. Практически никогда не произносятся долгие согласные на конце иноязычных по происхождению слов: *класс* [клас], *групп* [груп], *программ* [про'грам].

1.6. Основные отличия в системе консонантизма между русским и чувашским языками

Из сопоставительного анализа систем согласных фонем русского и чувашского языков можно сделать следующие обобщения:

1. В русском языке в системе согласных имеется коррелятивный признак глухости/звонкости: [п] — [б], [п'] — [б'], [т] — [д], [т'] — [д'], [ф] — [в], [ф'] — [в'], [с] — [з], [с'] — [з'], [ш] — [ж], [ш'] — [ж'], [к] — [г], [к'] — [г']. Противопоставление по глухости/звонкости в русском языке проявляется в сильных позициях и теряется в слабых позициях: *палка — балка, там — дам, корка — горка, фаза — ваза, коса — коза, слой — злой* и т.д., но *у дуба — дуб, у лодок — лодка*.

В чувашском языке нет противопоставления шумных согласных по признаку звонкости/глухости. Таким образом, истинно звонкими могут быть только сонорные. Следует отметить, что в отличие от русского языка чувашское [в] является сонорным звуком, но не создает пару [в] — [ф]. Полувзвонкое произношение (ослабление) шумных согласных обусловлено фонетическим положением: между гласными *акă* [акъ] «вот»; между сонорными и гласными: *кунта* [кунта] «здесь». Однако носители чувашского языка не воспринимают этой полувзвонкости, то есть эта «звонкость» не является дифференциальным признаком, другими словами, звонкость/глухость не играет смысловозначительной роли. Носители же других языков могут воспринимать полувзвонкость и отождествлять эти звуки со звонкими согласными родного языка (сравни, например, восприятие этих звуков в старописьменный период русскими миссионерами).

2. Корреляция согласных по твердости/мягкости в русском языке является независимым признаком, а в чувашском языке зависит от фонетического положения. Если согласный стоит в соседстве с гласным переднего ряда, выступает в мягком варианте; с гласным заднего ряда — в твердом варианте, то есть твердость/мягкость является сингармонически обусловленной: *пар* [пар] «давать» — *пер* [п'ер'] «бросать», *турă* [туръ] «бог» — *тўрĕ* [т'ўр'ь] «прямой».

Парными по этому признаку следует считать лишь согласные [л] — [л'], [н] — [н'], [т] — [т'], которые освободились от сингармонической обусловленности: *хал* [хал] «сила» — *халь* [хал'] «сейчас», *мăкăн* [мъкън] «мох» (в род. п.) — *мăкăнь* [мъкън'] «мак», *турат* [турат] «ветка» — *турать* [турат'] «крошит».

Палатальные (среднеязычные) согласные [j, ç, ч] стоят вне признака твердости/мягкости, и по отношению к сингармонизму их следует назвать *нейтральными*.

3. В русском языке отсутствуют долгие согласные. Чувашская фонетика характеризуется обилием так называемых двойных согласных или геминат, поэтому представляет интерес слой русских слов, заимствованных из европейских языков с двойными согласными (на письме). Под влиянием орфографии этот слой слов в чувашском языке произносится несколько иначе, чем в русском: например, рус. *интеллигенция* [ин'т'ел'иг'енциj] —

чуваш. *интеллигенци* [ин'т'ел'л'и'к'енци]. Из-за неразработанности вопросов чувашской фонетики, в частности, определения терминов «долгие согласные», «двойные согласные» и «геминаты», чувашские языковеды до сих пор не обращали внимания на это фонетическое явление.

1.7. К вопросу о заимствованных фонемах и влиянии двуязычия на фонологическую систему чувашского языка

Одним из самых актуальных и спорных вопросов чувашской фонетики и фонологии является проблема заимствованных фонем. Следует отметить особо, что фонологическая система языка очень прочная. Над филологами довлеют сознательные или бессознательные шаблоны описания и фонологической трактовки чувашской фонетики через призму русской фонологии. Это и стало причиной разногласий чувашских филологов при описании фонемного инвентаря чувашского языка. Разумеется, ошибочные трактовки сильно мешают научному описанию и методической разработке обучения родному языку. Но от нашего убеждения, что Земля стоит на трех китах, реальность не изменится: Земля будет вращаться вокруг Солнца. Это, конечно, не значит, что фонологическая система не знает изменений, как и любая другая структура, она подвержена развитию под влиянием внутренних и внешних причин.

В.И. Котлеев полагает, что в условиях все более и более возрастающей роли русского языка чувашский язык заимствует русские слова без фонетических изменений, то есть чувашский язык массово заимствует русские слова, подчиняющееся фонетической структуре русского языка. Поэтому, считает он, в чувашском языке наряду с родной системой развивается отдельная фонетическая система слов, заимствованных из русского языка без изменений. То, что в фонетической системе чувашского языка наличествуют две отдельные системы, и то, что заимствованные слова в отношении фонетики несколько иные, на его взгляд, чувствуют и сами чувашаи. А в будущем, по мнению В.И. Котлеева, осознание такой двойственности исчезнет, в языке возможно развитие единой общей системы².

Надо полагать, фонетист прогнозирует слияние фонологических систем чувашского и русского языков.

В целом, обобщая различные взгляды чувашских филологов на проблему заимствованных фонем, можно выделить три основных положения.

1. В чувашский язык вместе с заимствованными русскими и интернациональными словами проникли и фонемы русского языка.

Профессор В.Г. Егоров считал, что «для обозначения природных чувашских слов требуется весьма небольшое число (22) фонем, но поскольку чувашский язык обогащался и продолжает обогащаться русскими словами, то и число фонем в нем сильно возросло, дошло до 48: *а, а́, б, б́, в, в́, г, ѓ, ѓ* фрикативное, *ѓ* фрикативное, *д, д́, э (е), ё, ж, з, з́, и, й, к, ќ, л, л́, м, м́, н, н́, о, п, п́, р, р́, с, с́ (с'), т, т́, у, ў, ф, ф́, х, х́, ц, ч* звонкое, *ч* глухое, *ш, ш́, ь*»³. Такая трактовка фонемного состава чувашского языка подверглась критике А.С. Уськиным и И.А. Андреевым: «...непонятно, почему из 22 количество фонем дошло до 48: как известно, из русского языка вместе с заимствованными русскими и интернациональными словами проникли всего лишь 13 звуков: *б, б́, г, ѓ, д, д́, ж, з, з́, о, ф, ф́, ц*»⁴. Авторы против утверждения, что все перечисленные звуки являются фонемами; по их мнению, даже «при предполагаемом согласии нельзя объяснить возрастание количества фонем до 39 одним только усиленным процессом заимствования новых слов с русским звучанием»⁵.

Следует отметить, что В.Г. Егоров все же являлся последним корифеем традиционной описательной фонетики чувашского языка, продолжателем взглядов и идей Н.И. Ашмарина, Т.М. Матвеева, Ф.Т. Тимофеева. Термин «фонема» им определяется следующим образом: «Членораздельные звуки, вернее звуковые типы, являющиеся различителями значений слов и грамматических форм, принято называть фонемами»⁶. Какие-либо другие сведения из области теоретической фонологии в его работах отсутствуют. Что же касается обнаружения минимальных пар для доказательства корреляции по звонкости/глухости, приведенные в первом издании этого труда, то аргументы ученого не выдерживают критики.

Возьмем, к примеру, следующее заявление В.Г. Егорова: «...звонкие и глухие шумные согласные являются отдельными фонемами: *газ* — *кас* «резать», *карта* (произносится карта) «хлев» — *карта* (географическая карта), *ялта* (произносится ялда) «в деревне» — *Ялта* (название города), *катер* (читается кадерь) «устранить» — *катер* (небольшое судно)»⁷.

Проанализируем эти противопоставления:

1) *газ* [қас] «газ» — *кас* [кас] «резать», но *ан кас* [анқас] «не резать»; противопоставление [қ] — [к] в потоке речи постоянно подвергается нейтрализации, то есть закон позиционного ослабления действует и на стыке слов;

2) *карта* [карта] «хлев» — *карта* (географическая) [картъ]; некорректное противопоставление: эти так называемые минимальные пары отличаются друг от друга и звуковым составом, и местом ударения;

3) *ялта* [јалта] «в деревне» — *Ялта* (название города) [Јалтъ]; эти пары также отличаются друг от друга и звуковым составом, и местом ударения;

4) *катер* [кат'ер'] «устранить» — *катер* (небольшое судно) [кат'ър']; и эти пары отличаются друг от друга звуковым составом и местом ударения.

В последних трех случаях противопоставляются омографы, что в фонологии недопустимо.

В целом В.Г. Егоров, видимо, предполагал, что под влиянием заимствованных слов в чувашском языке происходит процесс возникновения новых фонем путем расщепления по дифференциальному признаку звонкости/глухости, то есть первоначально недифференцированные звуки (варианты одной фонемы) подвергаются дивергенции, например: [к] ([к], [г]) > [к], [г].

Примерно такого же мнения придерживалась и Е.Н. Степанова: «Противопоставленность чувашских согласных по звонкости и глухости имеет место лишь в отношении фонем ограниченного употребления. Она характерна только для согласных в словах, заимствованных из русского языка в период после Октябрьской революции. Например, *нас* “иней” — *бас* “бас”, *папка* “папка” — *бабка* (бабка для забивания свай) и т.д.»⁸. (Отметим, что заимствование *бабка* словарями не зафиксировано, вместо него употребляется чувашский эквивалент *сăвай тукмакки*.)

Е.Н. Степанова предполагает, что глухие и звонкие согласные чувашского языка начали лишь недавно выступать в качестве самостоятельных фонем. Поскольку же всякое новое качество, появляющееся в языке, не вытесняет сразу старое качество, а сосуществует с ним, то в данном случае, по ее мнению, указанные элементы нового фонематического качества чувашских согласных, а именно их противопоставленность по глухости и звонкости, лишь постепенно проникают в язык и укореняются в нем. В то же время якобы наблюдается в чувашском языке наличие старого качества, а именно позиционная обусловленность звонких согласных.

Далее она указывает, что противопоставление по звонкости/глухости характерно только для согласных в словах, заимствованных из русского языка в период после Октябрьской революции. Что же касается слов, вошедших в чувашский язык раньше, то в них действуют старые закономерности. Более того, эти закономерности могут иногда действовать в послеоктябрьском лексическом пласте в артикуляции лиц, недостаточно владеющих литературным произношением⁹, точнее — недостаточно двуязычных.

2. Звонкие согласные в чувашском языке не являются заимствованиями.

Впервые такую мысль высказал В.И. Котлеев. Не соглашаясь с мнением большинства исследователей о заимствовании чувашским языком из русского языка в связи с лексическими заимствованиями и звонких согласных фонем, автор выдвинул идею о том, что звонкие согласные в чувашском языке не являются заимствованными. По мнению фонетиста, чувашским языком из русского заимствованы разновидности звонких согласных, обладающие большей звонкостью, чем собственно чувашские звонкие. Кроме того, В.И. Котлеев считал, что заимствованы «необычные для чувашского языка условия их употребления (в начале слова и в позиции после гласного перед сонорным: *абрикос, бамбук, база, бассейн* и т.д.)», другими словами, значительно изменилась дистрибуция звонких согласных. «Русские звонкие согласные в заимствованных словах нельзя считать самостоятельными фонемами потому, — пишет автор, — что с собственно чувашскими звонкими согласными они не образуют фонологические оппозиции. На-

пример, заимствованные слова *ссуда*, *саго* и собственно чувашские слова *сутă* “продажа”, *сакă* “скамейка” неразличимы без контекста»¹⁰. Кроме того, В.И. Котлеев подчеркивает, что в речи чувашей заимствованные слова не произносятся с полной звонкостью согласных, как в русском языке, так что возможностей фонологической дифференциации от собственно чувашских слов со звонкими согласными оказывается еще меньше.

Таким образом, автор считает, что в самом чувашском языке полувзвонки и глухие шумные согласные являются смысловоразличительными звуками, то есть осознаются как самостоятельные фонемы, например: |к| — |к̥|, что с фонологической точки зрения вызывает значительные возражения.

Следует отметить, что высказывания исследователя относительно заимствованных фонем довольно противоречивы. С одной стороны, автор стремится доказать, что звонкие фонемы присущи самому чувашскому языку; с другой — что такие фонемы, как |б̥, г̥, д̥, ж̥, з̥, б', г', д', з', в', к', л', н', м', ш', т', х', ш':|, встречающиеся в заимствованных из русского языка словах, якобы создают в чувашском языке отдельную (вторичную) систему¹¹.

3. Возникновение звонких фонем |б̥, г̥, д̥, ж̥, з̥| в чувашском языке следует считать явлением незавершившимся, хотя можно считать их самостоятельными фонемами, а не вариантами глухих.

С такой трактовкой состава фонем в заимствованных словах выступили А.С. Уськин и И.А. Андреев. По их мнению, возможность появления соотносительных пар согласных по звонкости/глухости создается лишь в связи с многочисленными заимствованиями из русского языка слов со звонкими согласными. При этом они отмечают, что не только ни один природный чуваш не произносит *труба*, *чугун*, *лубас* (дореволюционные заимствования) с такими звонкими согласными, какие произносятся самими русскими, но даже в словах, заимствованных из русского языка в годы коллективизации и позже, далеко не все произносят такие же, какие и в русском, звонкие согласные, если речь ведется на чувашском языке. «Тем не менее, — отмечают они, — тенденция развития языка такова, что произношение звонких согласных [б̥, г̥, д̥, ж̥, з̥]

в словах, заимствованных из русского языка, все более и более приближается к их русскому звучанию. Этому в немалой степени способствует то, что современная молодежь с младшего же школьного возраста приучается к русской речи, а впоследствии почти повседневно общается с русским населением»¹². Далее авторы рассматривают некоторые противоречивые случаи, возникающие из-за несовпадения фонетических закономерностей двух языков. Так, например, в русском языке звонкие оглушаются в конце слова, а в чувашском языке в конце слова бывают только глухие. Поэтому чувашский язык воспринимает русские слова по фонетическому облику его начальной формы: *кооперати[ф]*, *пасси[ф]*. Однако в русском языке [в] — [ф] противопоставляются по звонкости/глухости, а в чувашском языке такого противопоставления нет, значит, в чувашском языке фонемы [в] и [ф] не являются парой по звонкости/глухости. Хотя в чувашском фонема [в] имеет полную звонкость, фонема [ф] в интервокальной позиции не ослабляется, как всякий глухой согласный чувашского языка. Особенно заметно это наблюдается в мужских фамилиях: *Иваноф* — *Иванофӑн* (но не *Ивановӑн*), *штраф* — *штрафӑн*, *шкаф* — *шкафӑн*. В словах же типа *автор*, *автомобиль* следует усматривать лишь особенности русской орфографии, сохраняющей написание подобных слов в языке-источнике, но не противопоставление на чувашской почве [в] — [ф], фонема [в] никогда в чувашском языке не реализуется в звук [ф], следовательно, последний не является ее глухим вариантом.

По наблюдениям А.С. Уськина и И.А. Андреева, остальные пять шумных согласных [б, г, д, ж, з], которых ранее не было в чувашском языке, ведут себя неодинаково и еще не стали достоянием всей нации. При этом исследователи отмечают более удобные позиции для полной звонкости и менее удобные позиции. Так, например, значительная часть звонких согласных в самом русском языке встречается в положении после сонорных (*бензин*, *комбайн*, *волейбол*, *инженер*, *орден*, *ордер*, *организаци*) и в позиции между гласными (*автобус*, *вагон*, *азот*, *физика*, *автомобиль*). Менее удобна для сохранения звонкости позиция после глухих согласных. Одна и та же фонема может произноситься трояко: в речи старшего поколения русские звонкие в заимствованных словах перед согласными, включая

и сонорные, произносятся глухо [вок'сал], молодежь же произносит их либо как чувашские полузвонкие [воґ'сал], либо как звонкие согласные русского языка [вог'зал]. Авторы приходят к следующему выводу: звуки, имеющиеся в заимствованных словах и не свойственные заимствующему языку, прививаются последнему чрезвычайно медленно, для этого явно недостаточно двух-трех десятков лет. Поэтому возникновение звонких фонем [б, г, д, ж, з] следует считать явлением не завершившимся, хотя можно считать их самостоятельными фонемами, а не вариантами глухих¹³.

Примерно такого же мнения придерживается Л.П. Сергеев, который, например, пишет, что в связи с обогащением лексики урмарского говора за счет заимствованных из русского языка слов увеличивается количество согласных фонем. По его наблюдениям, русские звонкие согласные [б, г, д, ж, з] в старых и новых заимствованиях произносятся с меньшим напряжением голосовых связок, чем в языке-источнике, то есть полувонко. В этом смысле их можно сравнивать с позиционными вариантами чувашских шумных согласных [ц, қ, т, щ, с]. В таких словах, как *бригадир*, *билет*, *грузовик*, *завод* начальные согласные произносятся с напряжением голосовых связок, то есть полувонко. «Эти согласные являются потенциальными единицами системы согласных фонем исследуемого говора»¹⁴.

К подобным трактовкам заимствованных фонем в чувашском языке примыкают и взгляды З.Ф. Мышкина. По мнению автора, в современном чувашском литературном языке существует немало слов, заимствованных из русского языка с сохранением русской графики и произношения. В связи с этим в чувашской звуковой системе существует целая подсистема согласных русского языка: [б, б', г, г', д, д', ж, з, з', ф, ф', ц, ч, с']. Хотя чувашское двуязычное население вполне освоило произношение всех заимствованных звуков, однако нельзя считать, что русские заимствованные согласные фонемы вошли как равные в состав фонем чувашского языка. Дело в том, что они не вступают в какие-либо системные противопоставления с чувашскими фонемами. Поэтому можно считать заимствованные фонемы из русского языка только фонематической подсистемой родной речи двуязычного населения¹⁵.

Следует отметить, что не все исследователи согласны с идеей о существовании в фонологии чувашского языка двух подсистем. Вот, например, что пишет Э. Алос-и-Фонт о проблеме заимствованных фонем: «Как их (заимствованные звуки в 20-х и 30-х гг. XX в. — П.Я.) произносила основная масса носителей чувашского языка на самом деле, а также как в действительности их сегодня произносят разные слои населения (старшее и младшее поколения, городские и сельские жители, более или менее образованные люди и т.д.) — до сих пор достаточно не изучено. Необходимо больше работ по фонологии чувашского языка, в том числе работ, которые показали бы действительный фонологический строй языка как целого. На наш взгляд, *идея о существовании в фонологии чувашского языка, как в орфографии, двух подсистем — неплодотворна* (курсив наш. — П.Я.)»¹⁶.

В целом такая трактовка проблемы заимствованных фонем в чувашском языкознании встречается впервые, с рассуждениями и выводами автора нельзя не согласиться. Действительно, проблема упирается в неизученность живой разговорной речи, и, как следствие, «кабинетное» установление фонологического строя языка как целого. К сожалению, из-за отсутствия специалистов по фонетике и фонологии ситуацию в этой сфере чувашского языкознания в ближайшее время исправить невозможно. Об этом, на наш взгляд, красноречиво свидетельствует неважное состояние дел в таком важном разделе чувашского языкознания, как орфоэпия.

По нашему мнению, проблема еще в том, что некоторые исследователи в подобных случаях видят заимствование фонем, между тем здесь речь должна идти не о заимствовании фонем, а о заимствовании коррелятивных признаков (по звонкости/глухости, твердости/мягкости). Как известно из фонологии, коррелятивные признаки заимствуются с чрезвычайным трудом, тем более что чувашский язык относится к языкам с позиционным (автоматическим) озвончением и наличием велярно-палатального сингармонизма. Процесс возникновения новых фонем путем расщепления (дивергенции) по какому-либо дифференциальному признаку — явление весьма сложное, долговременное и специфическое для каждого языка.

**Согласные фонемы чувашского языка
(с учетом иноязычного пласта лексики)**

Место образования		Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Ретрофлексные	Велярные	По участию голоса
Способ образования							
Смычно-взрывные		п *б [ɸ]	т т' *д [ɗ]			к *г [ɣ]	Шумные
Смычно-щелевые (аффрикаты)			*ц	ч			
Щелевые		*ф в	с *з [ɟ]	ɟ j	ш *ж [ʃ]	х	
Смычно-проходные	боковые				л л'		Сонорные
	носовые	м	н н'				
Дрожание			р				

* Фонемы, функционирующие в заимствованных словах; в артикуляционно-акустическом плане согласные б [ɸ], д [ɗ], г [ɣ], з [ɟ], ж [ʃ] практически не отличаются от собственно чувашских «полувзвонких», но отличаются дистрибуцией.

Таким образом, влияние двуязычия на чувашский язык в области вокализма ограничивается появлением в литературном языке фонемы [o]. Следует отметить, что русские варианты фонем (аллофоны) [ъ], [ь] в безударной позиции чувашами воспринимаются как самостоятельные фонемы |ǎ|, |ě|: *опера* |опёрǎ|.

Намного сложнее обстоит дело в области консонантизма.

Полностью заимствованными следует считать новые для чувашского языка фонемы |ц| и |ф|: *цирк*, *футбол* и др.

В иноязычном пласте лексики используются еще 5 фонем: |б [ɸ]|, |д [ɗ]|, |г [ɣ]|, |з [ɟ]|, |ж [ʃ]|. Процесс заимствования этих фонем следует считать явлением не завершившимся, в чувашском языке они не являются вариантами глухих, другими словами, так называемые заимствованные «звонкие» согласные не вступают в какие-либо системные противопоставления с собственно чувашскими фонемами.

II. ДВУЯЗЫЧИЕ И ЧУВАШСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

2.1. Кириллица на основе русской графики

Современный чувашский алфавит был создан в 1871—1872 гг. И.Я. Яковлевым с участием В.А. Белилина и С.Н. Тимрясова. При этом, по заявлению самого В.А. Белилина, именно он является автором транскрипции, а варианты алфавита принадлежат И.Я. Яковлеву. Следует отметить, что так называемый первый вариант алфавита И.Я. Яковлева является не чем иным, как очень тщательно и точно выполненной фонетической транскрипцией. Однако цели и задачи фонетической транскрипции и письменности значительно отличаются друг от друга, поэтому буквально в течение двух-трех лет создатель новой чувашской письменности совершил невероятный рывок: отказался от фонетического принципа и перешел к фонематическому принципу. То, что создатели алфавитов в большинстве случаев являются стихийными фонологами (даже до появления фонологии как науки и не зная теоретических основ), известно давно, к этому их вынуждают чисто прагматические, утилитарные задачи построения алфавита. Так, если первый вариант алфавита И.Я. Яковлева состоял из 47 знаков, то уже во втором варианте количество букв снизилось до 27. Фонемы — это социально выделяемые в языке звуки, и таких звуков в каждом языке существует различное, но всегда строго ограниченное количество. Эти-то звуки-фонемы во все времена и у всех народов, применявших звуковую систему письма, и клались в основу буквенного обозначения. Изобретатели алфавитов интуитивно определяли количество фонем данного языка и каждую фонему обозначали особым знаком — буквой¹⁷.

Что же касается выбора графики, то в этом вопросе И.Я. Яковлев в течение очень короткого времени добился значительного прогресса, сделав выбор между кириллицей на русской основе и латиницей, сделав выбор между созданием литературного языка на основе буинского говора и созданием другого алфавита на основе верхового диалекта чувашского языка (первоначально это входило в его замыслы). Правильность выбора подтверждается всей историей дальнейшего развития письменного языка: графика на основе кириллицы помогала быстрее овладеть как русским, так и чувашским письменными язы-

ками (большинство населения было неграмотным); а наличие единого литературного языка еще более способствовало национальной консолидации. Кроме того, начиная с XVIII в., графика всего старописьменного периода была основана на кириллице, то есть уже существовала какая-то традиция.

2.2. Разновидности латиницы

Записи чувашских слов и небольших текстов на латинице встречаются у различных путешественников и исследователей европейского происхождения. Цель этих записей — ознакомить научный мир с «экзотическими» языками, другими словами — ввести эти языки в научный оборот. Вот, например, что писал Миллер о цели и обстоятельствах перевода «Отче наш» на чувашский язык: «Понеже некоторые наших времен ученые люди почитают, что переводы Господней молитвы также немало способствуют к рассужению о происхождении и свойстве языков; того ради и я чрез помянутых толмачей учинил перевод молитвы на черемисский и чувашский языки»¹⁸.

Одним из удачных переводов «Отче наш» по праву считается текст Петра Талиева. Перевод приведен в «Кратком катехизисе» с пометкой «Перевел поэзии учитель Петр Талиев. Получен янв. 16 дня 1791 г.». В дальнейшем текст этого перевода в латинской графике был включен в «Митридат» Аделунга. В историю мирового языкознания Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806) вошел как автор и редактор многотомного издания под названием «Митридат, или Общее языкознание» (*Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde*. В. 1. 1806). Долгие годы И.К. Аделунг собирал и комментировал собранный материал, однако первый том увидел свет лишь в год смерти ученого. В этой грандиозной работе было представлено описание почти 500 языков, одним из них был чувашский. Ф.П. Аделунг, в бумагах которого хранятся рукописи чувашских переводов, является его сыном.

Чтобы иметь представление о записях латиницей чувашского языка, приведем этот небольшой текст¹⁹:

Attä, tora Pilt sintsch;
Sánan äda túdusch tschondán asinmä parä bar;
Kiläs füd sändalak ráda pirä anbrach;

Sanin tora Irek boldür Pilet sintsché da, sir sintsché da;
Pirä bornmálich tudusch Siúkür tukár bar;
Kasär piren silich sané, a ber de por sin
sane pirä osál túnaschan tschondán
kasärabir;
Anbár pirä irek silich tukma;
Osrá pirä Schoitan osal tuwas-ran i osal
Schoksch baras-ran.

Записи чувашских слов и текстов в различных вариантах латиницы или в транскрипции на латинице ныне встречаются лишь в работах филологов.

После создания алфавита И.Я. Яковлевым вплоть до 20-х гг. XX в. о латинице больше не вспоминали. В январе 1922 г. в газете «Канаш» появилась статья, подписанная псевдонимом Гатчель. Ее автор резко выступил за замену существующего яковлевского алфавита латинским. Как установил Н.П. Петров²⁰, автором статьи является А.П. Прокопьев-Милли, по мнению которого яковлевский алфавит не по душе чувашам тем, что напоминает зависимость их от русских, а под ассимилирующим влиянием русской культуры основы самобытного развития народов Поволжья разрушались. Таким образом, инородцы Поволжья якобы, потеряв свою оригинальную физиономию и не будучи в состоянии в варварских условиях самодержавия переварить чуждую и в уродливой форме преподносимую русскую культуру, оказались перед небывалой катастрофой всех основ своей национальной жизни²¹. Следует отметить, что такая трактовка чувашско-русских отношений была подвергнута резкой критике, хотя дискуссии о графических знаках продолжались. Такие деятели, как Н.Т. Васянка, Г.И. Комиссаров, И.А. Ухвань, стояли на позициях латинизации чувашской письменности, однако основная часть участников дискуссии к этому предложению отнеслась негативно. По мнению большинства, существующий чувашский алфавит, если учесть перспективы функционального развития русского языка и его влияния на чувашский язык, является более удобным и выгодным.

Об авторитете яковлевской письменности красноречиво свидетельствует следующий факт: когда I Всесоюзный тюркологический съезд (г. Баку, февраль 1926 г.) рекомендовал тюркоязычным народам перейти на латиницу, чувашская обще-

ственность отказалась от этой идеи в пользу яковлевской графики. Дальнейшее развитие событий показало, что чувашки от этого выиграли значительно, чего не скажешь о многих тюркских народах. Так, например, наши соседи татары пользовались следующими системами письма:

— арабское письмо — до 1927 г.;

— латиница — в 1927—1938 гг.;

— кириллица — с 1939 г.;

— на рубеже XX—XXI вв. предпринимались попытки возрождения латиницы, однако государственными органами Российской Федерации эта идея была отклонена.

Разумеется, чехарда систем письма не содействует планомерному развитию литературного языка и письменности, ведь практически каждое новое поколение вынуждено прерывать связь с накопленным литературным и письменным опытом предыдущих поколений.

В конце 1980-х гг. (в период гласности и перестройки) некоторые деятели чувашской творческой интеллигенции (В. Станьял, А. Кибеч, Б. Чиндыков) начали выступать в печати с предложениями о переводе чувашской письменности на латиницу, но отклика не нашли. На этом дело закончилось.

2.3. О периодизации

История чувашской графики весьма обстоятельно рассмотрена в работах Н.П. Петрова²², поэтому мы остановимся лишь на некоторых спорных моментах.

По мнению большинства исследователей, история чувашской письменности делится на три периода, конкретные хронологические рамки на основе анализа издательской деятельности скорректированы О.Р. Студенцовым и выглядят так:

1) *дояковлевский*, или *старописьменный*: 1730—1878 гг.;

2) *яковлевский*: 1871—1917 гг. (возникновение и становление чувашского литературного языка в основном через переводы православной, школьной учебной, научной, художественной, деловой литературы, а также посредством публицистических изданий — первой чувашской газеты «Хыпар»);

3) *послеоктябрьский*, или *советский*: с 1917 г.²³

Как подчеркивает О.Р. Студенцов, период дояковлевских переводов православной литературы объективно укладывается примерно в одно столетие: 1788—1878 гг. До сих пор в научной литературе этот период было принято ограничивать 1872 г., когда произошел ряд важных событий: составление нового алфавита И.Я. Яковлевым в 1871 г., начало его переводческой и просветительской деятельности, начало массового издания литературы на чувашском языке. По мнению О.Р. Студенцова, верхнюю границу данного периода следует передвинуть вплоть до 1878 г., то есть до конца издательско-переводческой деятельности Н.И. Золотницкого на основе русской графики. Дело в том, что в 1872—1878 гг. сложились два направления в чувашском языковом строительстве: продолжала существовать письменность Н.И. Золотницкого на основе русской графики, и появилась система просвещения И.Я. Яковлева с книгоизданием на основе нового чувашского алфавита²⁴. Таким образом, история чувашской письменности знает краткий промежуток времени, в течение которого зафиксировано параллельное функционирование двух разновидностей письменности.

2.4. Дояковлевский, или старописьменный, период. Сакрализация русского языка и письменности

Можно сказать, что даже первоначальные попытки описания фонетики или грамматики того или иного неизученного либо малоизученного языка, как правило, связаны с сопоставительной деятельностью. Например, европейские языки описывались по структуре латинских грамматик (то есть в сопоставлении с латинским), церковнославянский и русский языки — по структуре греческих грамматик. Точно так же первые описания чувашского языка в так называемый старописьменный период (исключая немногочисленные образцы на латинице) копировали структуру русских грамматик, включая фонетику, графику и даже орфографию. Рассмотрим принципы этого письма на примере написания одного слова. Слово *вода* принято было орфографировать как *шйва*. По закономерностям русской орфографии после шипящих [и] произносится как [ы], а конечный [в] всегда оглушается и превращается в [ф]. Чтобы конечный [в] не оглушался, деятелям того времени

приходилось избавляться от абсолютного ауслота путем добавления дополнительного гласного [а]. Таким образом, по законам русской орфографии данное слово следовало читать как [шѣвъ], что почти совпадает с чувашским произношением [шыв]. Поэтому, на наш взгляд, мнения исследователей истории чувашского литературного языка о том, что печатание чувашских текстов русскими буквами, чуждыми для специфических особенностей чувашской фонетики, очень затрудняло передачу звукового облика чувашских слов и тем более правильное чтение текстов, верны лишь отчасти. Другими словами, графика и орфография старочувашской письменности как раз и соответствовали требованиям лиц, не владеющих чувашским языком. Что же касается лиц, владеющих чувашским языком, то их мнения никто и не спрашивал. Лишь Н.И. Золотницкий, завершающий старописьменный период, резко выступил против такого состояния дел, хотя и сам оставался в плену основных положений старописьменного периода.

В целом, на наш взгляд, этот период с научной точки зрения требует более глубокого осмысления, возможно, и некоторого переосмысления. Хотя письменные памятники того времени являются ценным достоянием для истории чувашского языка XVIII—XIX вв.²⁵, все же следует иметь в виду тот немаловажный факт, что эта письменность создавалась русскими миссионерами и, прежде всего, для русских священников. Чувашских деятелей среди них в те времена были единицы.

Таким образом, старописьменный период характеризуется тем, что научиться более или менее правильно читать и писать по-чувашски можно было лишь после овладения русским языком и письменностью. Говоря иными словами, в этот период четко наблюдается сакрализация русского языка и русской орфографии.

2.5. Яковлевский период

Как известно, в 1871 г. И.Я. Яковлев, будучи студентом Казанского университета, вместе с В.А. Белилиным и С.Н. Тимрясовым впервые создали на основе полевых исследований и тщательного анализа устного словесного творчества чувашей Буинского уезда вполне точную фонетическую транскрипцию

(так называемый первый вариант алфавита). Дело в том, что практическая необходимость приводит создателей письменности к мысли, что и в коммуникативном плане, и при письменной передаче не все звуки равноценны. Во втором варианте алфавита И.Я. Яковлев сократил количество букв до 27. Из алфавита были изъяты буквы для звонких и мягких согласных (за исключением [л', н', т']).

Таким образом, второй вариант яковлевского алфавита можно характеризовать как фонематический. Преимущество фонематического письма заключается в том, что оно включает в себя минимальное количество знаков и в то же время наиболее разносторонне отражает язык. После некоторой корректировки к 1873 г. сформировался окончательный (третий) вариант чувашского алфавита, на нем был издан «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки». Этот алфавит просуществовал практически без изменений около 50 лет.

Хотя яковлевский период чувашской письменности изучен весьма обстоятельно, следует отметить, что в чувашском языкознании бытует весьма любопытное заблуждение об односистемности этой орфографии. Действительно, в первых изданиях И.Я. Яковлева орфография была одинакова как для исконных чувашских, так и иноязычных слов. Однако, под давлением духовенства, стоящего на позициях сакрализации церковно-религиозного языка и усматривающего в написании по-чувашски церковнославянских слов ересь и святотатство, создатель чувашского алфавита вынужден был внести изменения в орфографию. Уже с 1874 г. иноязычные слова, заимствуемые из русского и церковнославянского книжных языков, стали передаваться средствами русского и церковнославянского алфавитов, хотя таких букв как **б, г, д, ж, з, і, ъ, ь, э, ф, ю, я** и др. в чувашском алфавите не было. Такое положение было узаконено в «Предуведомлении»: «Слова, взятые из церковнославянского и русского языков, сохраняют свое правописание, исключая окончания». Вот, например, отрывок из текста Евангелия от Луки (стихи 23—38):

«Иисус Хай ёсне пусланă ăух вăтăр сұлта пулнă. Сынсем шухăшланă тăрăх, Вăл Иосифăн, Илїйĕн, Маттатăн, Левїйĕн, Мелхїйĕн, Іаннайăн, Исифăн, Маттаатăн, Амосăн, Наумăн,

Еслимӑн, Наггейӑн, Мааӑн, Маттаӑӑн, Семейӑн, Иосифӑн, Иудан, Иоаннанӑн, Рисайӑн, Зоровавелӑн, Салавиӑн <...> Сиӑн, Адамӑн, Турӑн Ъвӑлӑ пулӑ»²⁶.

Итак, в письме использовалось много знаков, отсутствующих в алфавите, то есть алфавит и письмо значительно расходились. Как совершенно справедливо утверждает Н.П. Петров: «Этим была положена двусистемная орфография в чувашской письменности»²⁷. Такое положение сохранялось вплоть до окончания яковлевского периода.

Таким образом, в яковлевский период односистемность чувашской орфографии продержалась в течение очень короткого времени. Чтобы научиться читать и писать правильно (особенно религиозные тексты), нужно было сначала овладеть русским языком и письменностью. Необходимо было также знание церковнославянского языка. В этот период четко усматривается сакрализация русского и церковнославянского языков и орфографий.

2.6. Советский период

В конце 1918 г. чувашские печатные органы перешли на односистемное письмо, однако оно продержалось недолго. В результате бурных дискуссий и давления властей в чувашский алфавит были внесены следующие изменения:

— в 1927 г. буква **ѣ** с подстрочным диакритическим знаком была заменена буквой **ч**;

— в 1933 г. были включены буквы **б, г, д, ж, з** для обозначения звонких согласных в заимствованных словах и буква **ц** для обозначения аффрикаты;

— в 1938 г. было добавлено еще 6 букв из русского алфавита: **ш, ъ, ь, э, ю, я** (никаких лингвистических причин для включения в алфавит этих букв не было). Чувашские специфические буквы, обозначающие мягкие согласные, заменены сочетаниями букв **ль, нь, ть**;

— в 1949 г. была добавлена буква **ё**.

Таким образом, современный чувашский алфавит включает в себя 37 букв.

По мнению проф. И.А. Андреева, чтобы освободиться от двусистемности орфографии необходимо:

1) отказаться от букв **б, г, д, ж, з** и писать *апашур* (абажур), *прикати́р* (бригадир), *ваксал* (вокзал);

2) между гласными и между сонорным и гласным глухие шумные обозначать удвоением: *саккас* (заказ), *аттакка* (атака);

3) мягкую фонему [с'] обозначать буквой **ç**: *семемӓ* (семема), *синтакçис* (синтаксис);

4) редуцированные [а, о, э] передавать буквами **ӓ, ё**: *ваттӓ* (вата), *итейӓ* (идея);

5) не пользоваться буквами **я, ю, ё**, на их месте писать **йа, йу, йо**: *йолкӓ* (ёлка), *йупилей* (юбилей);

6) отказаться от букв **э, ь**;

7) букву **щ** заменить буквосочетанием **шч**: *ешчӓк* (ящик), *рашча* (роща)²⁸.

В принципе, известный языковед предлагает вернуться к третьему варианту яковлевского алфавита. Но, как уже было сказано, одновариантная орфография и в тот период просуществовала лишь около года, из-за орфографии заимствованных слов появились значительные расхождения между алфавитом и письменностью. По мнению И.А. Андреева, хотя реализация вышеуказанных предложений имеет плюсы, из-за двуязычия чувашского населения нет особой необходимости в коренном изменении орфографии.

К такому мнению присоединяются и исследователи, критически относящиеся к изменениям орфографии чувашского языка в советский период. Вот, например, как характеризует современное состояние чувашской письменности Э. Алос-и-Фонт: «Несмотря на большие недостатки чувашской орфографии, на сегодня нет условий для ее изменения. Нет вообще распространенного ощущения этих недостатков ни среди широких слоев населения, ни среди интеллигенции. Нет сильной языковой политики, заинтересованной внедрить чувашскую орфографию на основе особенностей самого чувашского языка и готовой тратить большие суммы денег, чтобы внедрить такую реформу. Напротив, в нынешних условиях скорой утраты чувашского языка и нехватки ресурсов для него резонно сохранить в основном современную орфографию»²⁹. Выход из создавшейся ситуации автор видит в регламентации орфоэпии литературного языка. Орфоэпические нормы, нарушающие фо-

нологическую основу языка, по его мнению, являются намного более опасными, чем согласие на иноязычное правописание заимствований. По мнению исследователя, необходимо проделать следующий путь: «На базе изучения действительных норм произношения русских заимствований советского времени стоит предложить нормы, которые являются приемлемыми для населения и наиболее близки к фонологическому строю исконного языка. Возможно предлагать чуть более или чуть менее русифицированное произношение в зависимости от стиля речи»³⁰. Мы полностью согласны с предложением автора.

Имеется и противоположный взгляд на совершенствование чувашской орфографии. В.И. Котлеев описывал фонологическую систему чувашского языка фактически сквозь призму русской фонологии, в какой-то мере возвращаясь к взглядам миссионеров XVIII—XIX вв. При этом фонетист не ограничивается теоретическими изысканиями, а предлагает предпринять чисто практические шаги, например, вернуться к старочувашской письменности. Он замечает, что в связи с заимствованием слов из русского языка графическая передача звонких согласных превратилась уже в весьма серьезную проблему, связанную с сосуществованием в чувашской письменности двух график: русской — для заимствований из русского языка, чувашской — для собственно чувашских слов. И, по его мнению, из-за все более нарастающих контактов чувашского языка с русским отношения между этими двумя графиками в пределах одной письменности настолько осложнились, что составители орфографических правил и словарей иногда не могут найти выхода. «Нам кажется, — пишет В.И. Котлеев, — что в отношении обозначения звонких согласных письмо Н.И. Золотницкого и первый вариант алфавита И.Я. Яковлева были лингвистически правильнее»³¹. С его точки зрения, с ростом общей культуры народа и повышением уровня владения русским языком все больше и больше будет расширяться в обществе сфера пользования русским языком и русской письменностью; значит «письменность на родном языке, не учитывающая особенности графики и орфографии сильно влияющего русского языка, неизбежно оказывается в социально неравном положении»³².

Разумеется, такая позиция имеет право на существование, однако, на наш взгляд, возврат к фонетическому письму приведет чувашскую письменность в тупик. Общеизвестно, что в транскрипции конкретного языка число знаков значительно больше, подход различных исследователей к этому вопросу подвержен большим колебаниям. В фонетической транскрипции (каковой является первый вариант яковлевского алфавита) изображаются не только фонемы, но и варианты фонем, то есть звуковые оттенки, появляющиеся под влиянием соседних звуков. Таким образом, одна и та же фонема может включать в себя еще целый ряд звуковых оттенков, так называемых вариантов фонем, различение которых необходимо для ученого-фонетиста, но совершенно излишне для практического письма. В практическом письме необходимо и достаточно выражать существующие в языке фонемы³³.

Таким образом, в советский период около десяти лет практиковалась односистемная письменность. В дальнейшем, с введением в алфавит всех букв русского языка, чувашская орфография стала двусистемной, то есть перестала быть фонематической, в науке такая письменность характеризуется как *этимологическая*, то есть требующая от пишущего и читающего разграничения слов по происхождению. Хотя такая орфография значительно затрудняет чтение и письмо, по мнению большинства лингвистов, возврат чувашской орфографии к односистемности уже невозможен. Некоторые исследователи выход из этого тупика видят в создании односистемной орфоэпии, с чем мы согласны.

Имеется также мнение о возврате к письму Н.И. Золотницкого и первому варианту алфавита И.Я. Яковлева под видом все более возрастающей роли русского языка и письменности, с чем мы категорически не согласны.

Приходится констатировать, что в советский период происходило мощнейшее давление со стороны властей на чувашскую письменность. В этот период мы имеем дело с явными признаками продолжения сакрализации русского языка и русской орфографии.

2.7. О нормализации орфографии заимствованных слов и теоретических обоснованиях

Как происходит нормализация правописания и правильного произношения в чувашском литературном языке, рассмотрим на примере кодификации заимствованных слов, оканчивающихся на *-ей*. Сюда входят как имена собственные, так и многочисленные нарицательные слова: *Андрей, Матвей, Моисей, Евсей, Белебей, Енисей, апогей, лакей, еврей, казначей, лицей, мавзолей, музей, хоккей, юбилей* и т.д. Дело в том, что к подобным словам могут присоединяться как мягкие, так и твердые варианты аффиксов, например: *Андрей* — *Андрейён, Андрейён; Андрее, Андрея; Андрейте, Андрейпа; музей* — *музей, музейён, музейён; музей, музея; хоккей* — *хоккейле, хоккейла* и др. Следует отметить, что в орфографических словарях эту категорию заимствований предлагалось писать по-разному: мягкие варианты аффиксов — *музейре* (1951), и мягкие, и твердые варианты — *хоккей, хоккее, хоккейрен, хоккейла* (1963, 1969). В свое время на такой разноречивой обратил внимание известный лингвист И.П. Павлов и выступил со специальной статьей³⁴. По его мнению, причину этого разнобоя следует искать в недостаточном фонетическом обосновании данного вопроса. Со ссылкой на таких исследователей, как Н.И. Ашмарин, В.Г. Егоров, И.А. Андреев и А.С. Уськин, он опровергает мнение о характеристике звука [j] как «всегда мягкого» (чуваш. *ялан сёмсе*). При этом И.П. Павлов отмечает, что такая характеристика фактически является переносом качества русского [j] (палатальность) и на чувашский. Но, как считает исследователь, такой перенос никак не обоснован, поэтому он предлагает рассматривать [j] как звук, имеющий корреляцию по твердости/мягкости. Попутно автор указывает, что в чувашском языке также нет «всегда мягких» [ç], [ч]. Таким образом, на взгляд И.П. Павлова, в заимствованных словах звук [j] русского языка перестает быть «всегда мягким», в чувашском языке следует признать наличие двух вариантов [j] — твердого и мягкого. Если этот звук стоит перед гласными переднего ряда, то он мягкий [јеврѳпъ], если же стоит после гласных переднего или заднего ряда — то твердый [хокѳ]. Поэтому, как пишет автор, ауслаутный [j] в русских заимствованиях в чувашском языке

всегда твердый, следовательно, к таким словам присоединяются лишь твердые аффиксы: *музейра*, *музейн*, *музейна*.

Мы также считаем ошибочной характеристику звуков [j], [ç], [ч] как «всегда мягких» (в школьной практике такая характеристика сохраняется до сих пор), но трактовка И.П. Павлова примечательна тем, что, опровергая ошибочную фонетическую характеристику, он предлагает еще более ошибочную.

Дело в том, что палатализация, или смягчение, может сопровождать любую другую артикуляцию, кроме среднеязычной и средненёбной, потому что палатальность для этих согласных является основной артикуляцией. На наш взгляд, для чувашской фонетики особо важно разграничение таких понятий, как *палатальный* (средненёбный) и *палатализованный* (смягченный). До сих пор исследователи чувашской фонетики в этом вопросе проявляют непоследовательность. Палатализация — это дополнительный подъем средней части спинки языка к нёбу, а сами палатальные согласные в чувашском языке стоят вне корреляции по твердости/мягкости.

То же самое относится и к характеристике русского [j], который, являясь палатальным звуком, не может иметь признака палатализованности/непалатализованности. Таким образом, все рассуждения чувашских исследователей о «мягком» или «всегда мягком» характере звуков [j], [ç], [ч] с фонетико-фонологической точки зрения некорректны и основываются всего лишь на терминологической путанице.

По нашему мнению, в современном чувашском языке средненёбные (палатальные) согласные [j, ç, ч] стоят вне признака твердости/мягкости, то есть являются нейтральными. Отсюда и разноречивость в присоединении твердых или мягких аффиксов. Этот разноречивый, скорее всего, связан с диалектным произношением: в верховом диалекте предпочтение отдается велярным аффиксам (*музей-ра*), в низовом — палатальным (*музей-ре*). В связи с проникновением в литературный язык элементов верхового диалекта языковеды (большинство из которых являются выходцами из северной части Чувашии, то есть носителями верхового диалекта) кодифицировали после [j] в заимствованных словах велярные варианты аффиксов. Однако следует отметить, что на практике эта норма нередко не соблюдается; так, в переводе полной Библии на чувашский язык

(редактор Е. Лисина, представительница низового диалекта) заимствованные слова, оканчивающиеся на *-ей*, принимают только мягкие варианты аффиксов: *Моисейён, Андрее* и т.д.

В заключении своей статьи И.П. Павлов предлагает в качестве нормы следующие правила:

1) в заимствованных словах из русского языка, оканчивающихся на *-ей*, которые вошли в чувашский язык через письмо, следует всегда присоединять твердый вариант аффиксов: *мавзолейён, хоккейла*;

2) к чувашским словам и старозаимствованиям, которые подчиняются закономерностям чувашской фонетики, следует прибавлять только мягкие варианты аффиксов: *телейлё, Раçсейре*.

Современные орфографические словари придерживаются этих норм.

Как явствует из представленного материала, даже на одном небольшом примере правописания заимствованных слов можно проиллюстрировать, как ярко и зримо выступает теоретическая неразработанность многих вопросов чувашской фонетики и фонологии.

III. ДВУЯЗЫЧИЕ И ЧУВАШСКАЯ ОРФОЭПИЯ

Термин *орфоэпия* имеет два значения: 1) совокупность произносительных норм национального языка, обеспечивающая сохранения единообразия его звукового оформления; 2) раздел языкознания, изучающий произносительные нормы. Орфоэпия складывается одновременно с формированием национального языка, когда расширяется сфера действия устной речи, развиваются новые формы публичной речи. Следует отметить, что в разных языках процесс становления орфоэпических норм проходит по-разному.

Что же касается чувашского литературного языка, то, начиная с И.Я. Яковлева, произносительные нормы опираются на письменную речь. Как справедливо утверждает исследователь истории развития чувашского литературного языка Н.П. Петров, известное «Предупреждение» И.Я. Яковлева, предпосланное к первым изданиям его «Букваря», регламен-

тируя основные правила чувашского литературного произношения, явилось введением в новописьменный литературный язык³⁵.

В то же время следует отметить, что общественные функции чувашского литературного языка вплоть до революции были весьма узкими: эти функции ограничивались молитвами и проповедями в церквях, уроками обучения чтению и письму на чувашском языке в начальной школе. С тех пор установилось неписанное правило: чтение и устная речь должны соответствовать написанному. К счастью, алфавит и письменность И.Я. Яковлева по возможности соответствовали чувашской устной речи (в ее буинском варианте), поэтому особых расхождений между произношением и написанием не было, это способствовало нивелированию различий в диалектах и говорах. Кроме того, вплоть до 1933 г. заимствования писались и произносились почти так же, как и природные чувашские слова. Введение в чувашский алфавит всех русских букв (этот процесс завершился лишь в 1949 г.) и орфография заимствований по закономерностям русской письменности значительно усложнили правила правописания и произношения, привели к двусистемности не только в орфографии, но и орфоэпии.

В настоящее время природные чувашские слова пишутся и произносятся по одному принципу, а заимствованные слова пишутся и предлагается их произносить по другому принципу — как в русском языке. Однако на практике никаких исследований живого потока чувашской речи никогда не проводилось, имеющиеся единичные правила орфоэпии заимствованных слов взяты с потолка (частично скопированы из русской орфоэпии) и только вводят в заблуждение. Например, если следовать правилам, слово *водород* (любопытно, что в 1930—1940-е гг. был создан чувашский эквивалент *шывамйш*, который впоследствии был упразднен) следует произносить по-чувашски так же, как и в русском языке [в'ѣт'арот], *водопровод* [в'ѣт'пра'вот], однако автор этих строк, будучи филологом, в живой чувашской речи (как в разговорной, так и в литературной) никогда не слышал такого произношения. В вышеприведенных примерах, как и в сотнях других, чувашки придерживаются умеренного оканья, которое, на наш взгляд, установилось по двум причинам: во-первых, благодаря письму;

во-вторых, под влиянием нижегородского (средневолжского) оканья. В любом случае, исследователи всячески уклоняются от транскрипции заимствованных слов, особенно это касается фонематической (фонологической) транскрипции, ведь надо делать выбор между [в'ада́право́т] и [водопр'ово́т], тем более что произношение по второму варианту противоречит провозглашенному основному принципу произношения «как в русском языке». Следует отметить, что сказанное относится не только к заимствованным словам. Мы полностью согласны с обобщением Н.П. Петрова: «Хотя вопросы чувашской орфоэпии стали интересовать языковедов еще с 20-х гг. нашего столетия (имеется в виду XX в. — П.Я.) и в разное время им уделяли внимание Ф.Т. Тимофеев, В.Г. Егоров, А.С. Канюкова, А.Е. Горшков, но чувашский литературный язык не имеет общеобязательных, твердо установленных норм произношения. До сих пор не создан словарь чувашского литературного произношения и ударения, если не считать “Краткого орфоэпического словаря чувашского языка”, составленного А.Е. Горшковым и приложенного ко второй книге “Вопросы культуры речи” (Чебоксары, 1972). Нет учебного пособия по литературному произношению»³⁶.

На наш взгляд, указанный «Краткий орфоэпический словарь чувашского языка» не соответствует требованиям, выставляемым к орфоэпическим словарям, о чем тактично умалчивает Н.П. Петров. Дела в этой области не улучшились до сегодняшнего дня. Вот, например, какие нормы произношения заимствованных слов предлагаются в книге «Современный чувашский литературный язык»³⁷. Как видно из правил и примеров, эти «нормы» базируются на орфографии заимствованных слов.

1. Старозаимствования полностью подчиняются правилам произношения природных чувашских слов³⁸: [кап:у́сть] — [куб'ста́], [бо́чкь] — [п'ичк'э́], [к'у́др'и] — [кьтра́], [мьлат:о́к] — [мьладу́к].

2. Новозаимствования в основном сохраняют фонетический облик оригинала: [б'иб'л'иот'э́к:ъ], [ар'ифм'э́т'ик:ъ], [агра-но́м], [адм'ира́л], [арх'ит'э́ктър], [та́кт'ик:ъ], [т'ел'егра́м:ъ].

Исключения составляют имена существительные на *-ия, -ий, -ый, -ая, -е, -ская, -ское*, в которых некоторые конечные

звуки отбрасываются: [подл'ежáщее] — [подл'ежáщи], [пар'икмáх'ерскáя] — [пар'икмáх'ерск'и], [вожáт:ая] — [вожáт:ъ]], [столóвая] — [столóвъ]], [нáц'ия] — [нáц'и], [пáрт':ия] — [пáрт':и], [оргáн'изáц'иjá] — [оргáн'изáц'и], [моб'ил'изáц'иjá] — [моб'ил'изáц'и], [кол':ект'ив'изáц'иjá] — [кол':ект'ив'изáц'и], [х'иург'и́já] — [х'иург'и́], [т'ерап':и́já] — [т'ерап':и́].

3. В новозаимствованиях на конечный *ъ* указанный гласный сохраняется: [маш:и́нъ], [т'эхн'ик:ъ], [проп:агáндъ], [грам:áт'ик:ъ], [бот:áн'ик:ъ], [по́эмъ].

4. В новозаимствованиях конечный согласный после гласных переднего ряда не палатализуется: [портр'эт], [отл'ичн'ик], [пул'ем'этчик], [арт':эк], [т'ип]. Подобные слова в чувашском языке принимают твердые варианты аффиксов: [портр'етпá], [ап':ет':йтсър], [магн'йтль], [арт':екрá], [пул'ем'этчигън], [отл'ичн'икшън].

5. Существительные на конечный *й* принимают твердые варианты аффиксов: [юб'ил'э́й] — [юб'ил'э́йън], [юб'ил'еjá], [юб'ил'еjá]; [хок':э́й] — [хок':еjá], [хок':еjá].

6. Слова с суффиксом *-ист* произносятся без конечного *т*: [ком:ун'и́с], [марк'и́с], [танк'и́с].

7. В словах с суффиксом *-ист* в форме принадлежности 3-го лица звук *ч* не слышится: [танк'и́зъ], [трактор'и́зъ], [мáшин'и́зъ].

8. Заимствования на *-ость* во всех грамматических формах произносятся без *т*: [кр'эп':ъс], [в'эдьмъс], [кр'еп':ъсá], [в'эдьмъсá].

9. Слова с двумя согласными буквами (на письме) в абсолютном конце слова в родительном и дательном падежах произносятся с краткими согласными: *металл* (на письме) — [м'ет:áльн], [м'ет:алá]; *класс* (на письме) — [кля́зън], [клязá], (ср. рус. [м'ет:áл:а], [м'ет:áл:у], [о м'ет:áл':е]; [кля́с:а], [кля́с:у], [о кля́с:е]).

10. В новозаимствованиях в ауслауте слышится звук *ф*: [акт'и́ф], [шáрф], [мас':и́ф], [пас':и́ф], [б'иб'л'ио́гръф], [дэт:эк'ти́ф], а в других грамматических формах в положении между гласными произносятся полузвонкий [в], между гласными и согласными — [ф]: ср. [акт'и́въ], [акт'и́вън], [акт'и́фшън]; [шáрф], [шáрвън], [шарвá], [шарврá], [шарфрáн], [шарфпá], [шáрфсър], [шáрфшън].

11. В словах типа *брошюра, парашют, парашютист* (на письме после *ш* слышится у: [брош:у́рь], [паращ:ут´:йс].

12. Произношение звука *ф* как *в* является отклонением от орфоэпической нормы. Следует произносить [ф´ёрмь], [фа́бр´ик:ъ], [фас:о́л´], а не [в´ёрмь], [ва́бр´ик:ъ], [вас:о́л´], как в некоторых говорах верхового диалекта.

На наш взгляд, без овладения элементарными теоретическими основами фонетики и фонологии (как чувашской, так и русской), без учета реального народного произношения невозможно предлагать какие-то нормы. Об этом красноречиво свидетельствует транскрипция в вышеприведенных пунктах, например, такие шедевры, как [юб´ил´э́й] (вм. [jub´ил´éj]) или [клас:а], [клас:у], [о клас:е], где русские глухие согласные отмечены как долгие [вожа́т:ая] — [вожа́т:ъ]. В русском языке согласные всегда произносятся кратко, кроме случаев стечения одинаковых согласных в корне и суффиксе производных слов (*каменный, коренник*), также в суффиксах *-онный, -енный (революционный, общественный)*. Слова иноязычного происхождения в русском языке, в которых сохранена орфография языка-источника (*класс, масса, касса, металл*) также имеют четкую тенденцию произношения двойных согласных как одинарных.

Видимо, под влиянием работ В.И. Котлеева, который усматривает в чувашском языке противопоставление шумных согласных по звонкости/глухости, А.Е. Горшков предлагает в качестве орфоэпической нормы в словах с ауслатным [ф] в некоторых позициях произносить [в]: [ша́рф] — [ша́рвѣн], [шарва́], [шарвра́], [шарфра́н], [шарфпа́], [ша́рфсър], [ша́рфшѣн]³⁹. Кем и когда зафиксировано такое произношение — нам неизвестно. Как говорится — и смех, и грех. И ведь такие нормы предлагаются в очень серьезных изданиях.

По мнению Н.П. Петрова, многие заимствованные слова типа *билет, завод, грамм, декабрь, журнал* и т.д. чувашами принимаются как родные и произносятся так же, как произносятся их русские. При этом автор отмечает следующие отклонения⁴⁰:

1. Наблюдается двоякое произношение звонких согласных *д, з* в интернациональных словах. Перед *е* они произносятся либо твердо, либо мягко: мо[дэ]ль — [д´е]ль, а[дэ]кват —

а[д'е]кват, гео[дэ]зи — гео[д'е]зи, ко[дэ]кс — ко[д'е]кс, мо-
[дэ]рнизаци — мо[д'е]рнизаци, [дэ]мографи — [д'е]мографи,
ше[дэ]вр — ше[д'е]вр, эк[зэ]ма — эк[з'е]ма, эк[зэ]мпляр —
эк[з'е]мпляр, мор[зэ] — мор[з'е] и т.д.

2. Наблюдается колебание *с'* — *с* перед *е*: [с'е]нтябрь —
[се]нтябрь, [с'е]анс — [се]анс, [с'е]крет — [се]крет, шо[ссэ] —
шо[ссэ], [сэ]рвис — [се]рвис и т.д.;

перед *и*: [с'и]гнал — [си]гнал, [с'и]лос — [си]лос, [с'и]м-
метри — [си]метри, [с'и]нтез — [си]нтез и т.д.;

перед *л', м', н', п', т'*: [с'л']едователь — [сл']едователь,
[с'л']есарь — [сл']есарь, [с'л']ива — [сл']ива, [с'м']ена —
[см']ена, [с'п']ектакль — [сп']ектакль, [с'п']ирт — [сп']ирт,
[с'т']ена — [ст']ена, [с'т']епан — [ст']епан, [ст]аппан и т.д.

3. В интернациональных словах согласное *т* перед ударным
е произносится двояко — твердо и мягко: ан[тэ]нна — ан[т'е]н-
на, анти[тэ]за — анти[т'е]за, а[тэ]лье — а[т'е]лье, син[тэ]тика —
син[т'е]тика и т.д.

4. В интернациональных словах согласное *н* перед ударным
е произносится двояко — твердо и мягко: ге[нэ]тика — ге-
[н'е]тика, каш[нэ] — каш[н'е], со[нэ]т — со[н'е]т, ту[ннэ]ль —
ту[н'н'е]ль и т.д.

По мнению исследователя, иноязычные слова, заимство-
ванные из русского или через русский, в чувашском языке
произносятся с некоторыми отклонениями от норм русского
литературного произношения. Особенно это касается консо-
нантизма, где степень отклонения полностью зависит от сте-
пени владения русским языком.

Соглашаясь в целом с мыслью автора о том, что для вве-
дения в чувашский литературный язык единых норм произно-
шения заимствованных слов требуется определенная работа по
их регламентации, выскажем некоторые частные соображения
по поводу вышеуказанных пунктов.

Во-первых, несмотря на двуязычие, в качестве норм про-
изношения чувашской речи предлагать правила русской ор-
фоэпии едва ли конструктивно. Речь идет о случаях типа
[дэ]мографи, син[тэ]тика, со[нэ]т, ту[ннэ]ль и др., где нару-
шается основной закон чувашской фонетики — сингармонизм
(и даже слоговой сингармонизм). В чувашском языке в одном
слове (в крайнем случае — слоге) могут стоять только твер-

дые согласные с гласными заднего ряда или мягкие согласные с гласными переднего ряда. С развитием фонетики появились единичные случаи с мягкими согласными в твердых словах (или слогах): *халь* [хал’], *ма́кӑнь* [‘мъгън’], *ларать* [ларат’], но невозможно найти ни одного случая соседства твердого согласного с переднеязычным гласным типа *син[тэ]тика*, поэтому мы считаем, что в заимствованных словах этого круга предпочтение следует давать второму варианту *син[т’е]тика*. Впрочем, исходя из артикуляционного уклада, чувашки так и произносят. Копирование правил произношения другого языка не есть путь создания чувашской орфоэпии. Кроме того, при отсутствии четких правил орфоэпии не только для заимствований, но и для природных чувашских слов, уделять значительное внимание произношению заимствований, находящихся на периферии языка, было бы крайне неосмотрительно.

Во-вторых, есть вопросы относительно колебания *с’* — *с* в разных позициях. Казалось бы, в чувашском языке для такого колебания никаких причин нет, ср. чуваш. *селём* (не *селём*) «чудесный», *селён* (не *селён*) «косноязычный», *сис* (не *сис*) «чувствовать», *симёс* (не *симёс*) «зеленый». Как человек, увлеченный фонетикой и фонологией, на такое явление я обратил внимание еще в студенческие годы, потому что даже в русской речи один из наших преподавателей упорно произносил слово *система* как [сиф’т’емь]. И тогда, работая над курсовой, пришел к такому предположению:

1) в чувашском языке отсутствует мягкий звук [с’];

2) почти все эти интернационализмы не подчиняются сингармонизму. Звук [с] по основной артикуляции является *палатальным* (средненёбным, среднеязычным), поэтому по отношению к сингармонизму его следует характеризовать как *нейтральный*. Все эти качества позволяют этому звуку сочетаться с гласными как переднего, так и заднего ряда, с мягкими и твердыми согласными, то есть он идеально подходит для асингармонических слов. Примечательно, что звук или слог, нарушающий сингармонизм, может стоять в слове не только рядом, ср. [сиф’т’емь]. Таким образом, чтобы в заимствованных словах русский звук [с’] превратился в чувашский [с], иногда бывает достаточно одного твердого согласного в слове, нару-

шающего сингармонизм. Разумеется, данный вопрос требует дальнейшего всестороннего анализа.

В общем и целом, основываясь на кратком обзоре работ по чувашской орфоэпии, мы вынуждены констатировать, что на сегодняшний день орфоэпия является самым неразработанным разделом чувашского языкознания.

IV. ВЛИЯНИЕ ДВУЯЗЫЧИЯ НА СИСТЕМУ ЧУВАШСКОГО УДАРЕНИЯ

Исходя из закономерностей акцентуации, чувашский язык можно относить к языкам с полусвязанным ударением. Место ударения в таких языках определяется с учетом места границы слова и некоторых фонологических (не морфологических) особенностей слова⁴¹.

Иными словами, ударение в чувашском языке ориентируется на последний слог, но в зависимости от звукового состава слова оно может локализоваться на любом из слогов.

В русском языке ударение разноместное, иначе — свободное, например: *сто́лик, де́вочка, вы́вел, моро́женое, берё́за, дела́ми, белова́тый, мо́локо, приве́ла, передава́ла, пере́мыл, сторожево́й, учи́теля, перепродава́ли, реорганизова́ли*. В этих словах ударение падает на разные слоги (от первого до шестого) и на разные его морфологические элементы (на корень, приставку, суффикс, окончание).

Разноместность ударения в русском языке является важным фонологическим средством: она служит для различения разных слов: *мука́* и *му́ка, замо́к* и *за́мок*.

Русское ударение обычно называют *силовым, динамическим*. Сила и долгота в нем неотделимы, поэтому ударный слог самый сильный и самый длительный. Существует и другая точка зрения. Поскольку случаев, когда ударный гласный по длительности не превышает безударный, сравнительно немного, Л.В. Златоустова⁴², М.А. Соколова⁴³, И.С. Селезнева⁴⁴ и др. пришли к выводу, что бо́льшая длительность ударных гласных является определяющим признаком русского словесного ударения.

В русском языке гласный произносится наиболее определенно и со всеми присущими ему свойствами только под уда-

рением. В отношении к ударению определяется качество безударных гласных. Так, например, в одной и той же корневой морфеме *дом* под ударением звучит [o] — [дом], в 1-м предударном слоге звучит [a] — [да'ма], [да'моф], в заударном слоге звучит [ъ] — [надъм] и т.д.

В отличие от русского, ударение в чувашском языке почти не изменяет качества гласных в слове. Как под ударением, так и в безударной позиции гласные произносятся одинаково четко.

Таким образом, в локализации ударения русский и чувашский языки имеют общий момент: допускают ударение на любом из слогов слова, но происхождение и функции разноместности ударения в этих языках совершенно разные. Кроме того, в русском языке отношение к ударению определяет безударные гласные, вплоть до изменения качества. В чувашском языке, наоборот, само место ударения зависит от качества гласных. Какими путями проходит в таких условиях акцентологическая адаптация слов, заимствованных из русского языка и через посредство русского языка, рассмотрим на анализе фактического материала.

По подсчетам В.Г. Егорова, до революции чувашами освоено около 400—500 русских слов⁴⁵. Нами рассмотрено 300 лексических единиц такого типа.

Обычно указывается, что заимствованные слова дореволюционного периода «оформляются, как правило, в соответствии с произносительными нормами»⁴⁶ чувашского языка. Мы выделяем три типа акцентологической адаптации.

1. Сохраняется место ударения языка-источника (около 70 %). Такая акцентуация заимствованных слов наблюдается в следующих случаях:

а) ударение в русском языке локализуется на последнем слоге слова: *явр'ал* — *генер'ал*, *п'аш'ал* — *пищ'аль*, *ч'ал'ан* — *чул'ан* и т.д.; фонетический облик заимствованных слов допускает сохранение места ударения языка-источника;

б) ударение в русском языке падает на предпоследний слог: *яв'ал* — *дьявол*, *с'ен'ек* — *сени*, *м'ил'ек* — *веник*, *н'им'е'с* — *немец* и др. В этом случае сохранение места ударения объясняется тем, что русские заударные гласные воспринимаются как чувашские фонемы [ä], [ë]. Иными словами, наблюдается фор-

мальное совпадение систем русского и чувашского ударения: в языке-источнике заударные гласные подвержены редукции и в чувашском языке воспринимаются как гласные фонемы неполного образования. А они, как известно, в силу закономерностей чувашской акцентуации являются безударными (исключая начальный слог);

в) ударение русских слов сохраняется на своем месте, хотя количество слогов в русском и чувашском языках не совпадает: *канту́р* — *контóра*, *хасáт* — *газéта*, *шкúл* — *шкóла* и т.д.⁴⁷ Такое оформление заимствований объясняется особенностью чувашского вокализма: гласные неполного образования [ʏ], [ɨ] в известных фонетических положениях склонны к выпадению. Обычно при этом отмечается, что выпадают они в слабом, безударном положении. Стабильность их под ударением объясняется господствующим положением в слове гласного начального слога, то есть в силу закономерностей чувашского ударения эти гласные могут быть ударными только в начальном слоге слова.

2. Ударение передвигается на последний слог (около 15 %). А.Е. Горшков объясняет перемещение ударения в заимствованных словах на последний слог фиксированным характером чувашского ударения⁴⁸. Однако, как мы уже отметили, чувашский язык допускает ударение на любом из слогов слова. Иное дело в языках с фиксированным ударением, например, в татарском, где ударение почти всегда приходится на последний слог: *мичкə* — *бóчка* (ср. чуваш. *пичкé*), но *минéк* — *вéник* (ср. чуваш. *мíлëк*), *дегét* — *дëготь* (ср. чуваш. *тíкëт*).

Скорее всего, этот вопрос следует рассматривать в несколько ином плане. Наличие в чувашском языке заимствованных слов типа *пичкé* — *бóчка*, *чустá* — *тéсто*, *купáстá* — *кану́ста*, *кёреплé* — *гра́бли* подтверждает факт зависимости места ударения в чувашском языке от звукового состава слова. Так, большинство слов, в которых ударение перемещается на последний слог, имеет стечение согласных перед последним гласным⁴⁹. Очевидно, что заимствованное слово в подобных случаях подчиняется прежде всего другим фонетическим закономерностям родного языка, таким как сингармонизм, сочетаемость фонем и т.п. При этом, видимо, место ударения языка-источника отодвигается на второй план, и оформившееся на

чуваши́ской почве слово получает ударение в соответствии с законами чуваши́ской акцентуации. Например, слова *варинк-ке* — *воро́нка*, *катка́* — *ка́дка*, *ке́пе́рне* — *губе́рния* в чуваши́ском языке должны дать формы *варинк*, *ка́тк*, *ке́пе́рн*; но вследствие того, что сочетание согласных в конце слова не характерно для чуваши́ского языка, русские редуцированные заударные конечные гласные в чуваши́ском языке не выпали, а превратились в гласные полного образования. Вследствие этих факторов заимствованные слова такого типа получили акцентуацию, отличающуюся от акцентуации языка-источника.

3. Ударение перемещается к началу слова (около 5%). Казалось бы, передвижение ударения на начало слова не должно быть свойственно чуваши́скому языку: *ари́йн* — *ари́йн*, *я́мшя́к* — *я́мщи́к*, *ка́кшя́м* — *куви́йн*, *ки́рпёч* — *кирпи́ч*, *Се́пе́р* — *Сибирь*, *та́лай* — *тулу́н*, *па́рас* — *брус*, *са́ват* — *заво́д* и т.п. Тут можно отметить несколько причин.

Во-первых, некоторые из этих слов не являются заимствованиями из русского языка. Например, слова *кирпич*, *аршин* считаются тюркскими заимствованиями в русском языке.

Во-вторых, часть названных слов во время заимствования могли акцентироваться в языке-источнике несколько иначе: ср. рус. *куви́йн*, диал. *кужи́йн*, но белор. *ку́кшын* и чуваш. *ка́кшя́м*; рус. *тулу́н*, но укр. *ту́луп*, белор. *ту́луп* «туловище» и чуваш. *та́лай*⁵⁰.

В-третьих, если и предположить, что эти слова заимствованы из русского языка (не исключая возможность вторичного заимствования), передвижение ударения в них вполне объяснимо. Например, возьмем заимствования типа *арш[ы]н*, *кувш[ы]н*, *ямщ[и]к*. Вследствие того, что в чуваши́ском языке [ы] встречается лишь в неконечных слогах, вместо [ы] имеем [я́]. Ярким примером замены [и] в конечном слоге звуками [ь, ь] могут послужить слова типа *шу́шчя́к* — *счё́тчик*, *стра́шнья́к* — *стра́жник*, *пе́ре́нёк* — *пря́ник*, *ёш-чё́к* — *я́щик*. Сказанное относится только к закрытым слогам. Другими словами, передвижение ударения на начало слова также можно объяснить возникновением определенных условий для локализации ударения на ином слоге, нежели в языке-источнике.

У нас нет никаких фактов, свидетельствующих о несколько иной акцентуационной системе чувашского языка в историческом плане. Имеющиеся зафиксированные памятники чувашской письменности с указанием места ударения почти не отличаются в акцентуационном отношении от современного языка. Л.П. Сергеев обратил внимание на этот факт и справедливо отнес ударение к критериям определения диалектной основы первой печатной грамматики чувашского языка⁵¹. Это свидетельствует о том, что поиски причин акцентуационной адаптации старозаимствований в несколько иных законах самой системы чувашского ударения пока не представляются возможными.

В послереволюционный период в чувашский язык вливаются русские и интернациональные слова, выражающие новые понятия. О размерах заимствований свидетельствует тот факт, что еще в 1924 г. был выпущен «Краткий словарь иноязычных заимствованных слов», включающий более тысячи слов⁵². По свидетельству В.Г. Егорова, к 1970-м гг. лексика чувашского языка содержала до 12—15 % русских и интернациональных слов⁵³. Разумеется, такое массовое заимствование лексических элементов не могло не отразиться на разных уровнях языка.

Заимствованные слова оформлялись с некоторыми изменениями вплоть до 30-х гг. XX в. Изменения эти в области акцентуации заключались в следующем: русские послеударные гласные [ы], [у] в закрытом положении заменялись чувашским гласным неполного образования [ъ]: *плéну́м* — *плéна́м*, *о́пыт* — *о́на́т*; послеударный гласный [и] в аналогичном положении заменялся чувашским [ь]: *те́рмин* — *те́рма́н*⁵⁴. Хотя подобное фонетическое оформление наблюдалось и в старозаимствованиях, видимо, в данном случае можно говорить о фонетических изменениях, зависящих от сохранения места русского ударения. Доказательством тому служат: а) неподчинение этих слов законам чувашского языка, в частности, сингармонизму (*плéну́м* — *плéна́м*, *поме́щик* — *помéщэ́к*), исключая случаи, когда слова и в русском языке имеют «случайный» сингармонический облик. Следовательно, эти фонетические изменения невозможно объяснить возникновением условий для локализации ударения на том же слоге, что и в

русском языке; б) наличие в этот период заимствованных слов, не подчинявшихся системе чувашского ударения: *політйккă, постановлени* и др.

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с «компромиссными» компонентами, в которых перекрещиваются две тенденции — тенденция к удержанию стройной системы чувашского ударения и тенденция к сохранению места ударения языка-источника.

Касаясь вопроса акцентуации, исследователи указывают, что «в заимствованных в новейшее время из русского языка или через посредство русского языка словах ударение остается на своем месте»⁵⁵. Но необходимо отметить следующее: сохранение места ударения языка-источника в большинстве случаев не нарушает систему чувашского ударения.

На наш взгляд, в заимствованных словах типа *обязательство, опера, организатор, общество, председатель* и др., скорее всего, можно усмотреть двусистемность орфографии, а не нарушение законов чувашского ударения. В акцентуационном отношении такие слова не отличаются от природных чувашских слов: *обязат[ь]/льств[ь], оп[ь]/р[ь], организат[ь]/р, общ[ь]/ств[ь], председат[ь]/ль*. Иными словами, системы ударений формально совпадают.

В рамки закономерностей чувашского ударения не вписывается акцентуация заимствованных слов, имеющих в языке-источнике заударные гласные [у], [ы], [и]: *тэннис, нотариус, кризис, автобус, опыт, хими* и др. Это говорит о том, что если в ранних заимствованиях место ударения определялось звуковым составом слова, оформленного по законам чувашского языка, то в новейших заимствованиях основной тенденцией является сохранение места русского ударения.

Незакрепленность чувашского ударения за определенным слогом в слове, возможность локализации его на любом слоге слова, видимо, в какой-то мере способствовали этому процессу.

Таким образом, влияние русской акцентуационной системы на чувашскую заключается в том, что в чувашском языке существует небольшая группа заимствованных слов с гласными [ы, у, и] в заударном слоге. Остальные группы заимствованных слов с фонетической точки зрения не нарушают систему чувашской акцентуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом мы пришли к такому обобщению: чувашская фонетика испытывает определенное влияние двуязычия; но наш анализ показывает, что данное влияние не катастрофическое и не приводит к коренной перестройке фонологического уровня языка. Это подтверждается следующими частными выводами.

1. В современном чувашском литературном языке 9 гласных фонем: [a], [ǎ], [y], [ы], [o], [e], [ě], [ý], [и]. Фонема [o] встречается в верховом диалекте. В литературном языке она считается заимствованной из русского языка. Этим исчерпывается влияние русского языка и двуязычия на чувашский вокализм. Русские аллофоны гласных [ъ], [ь] в чувашском языке воспринимаются как самостоятельные гласные фонемы, поэтому фонетический и фонематический состав слов, кажущихся почти одинаковыми в орфографии, значительно отличается по звуковому составу (по произношению): рус. *театр оперы и балета*, чуваш. *опера́на балет театрĕ* [ʰop ʼьрьда цалʼет тʼeʼaгьрʼь].

2. Собственно чувашский консонантизм состоит из 17 фонем: [п, т, тʼ, к, ч, с, ш, ц, х, в, ј, л, лʼ, м, н, нʼ, р]. В русском языке в системе согласных имеется коррелятивный признак звонкости/глухости: [п] — [б], [пʼ] — [бʼ], [т] — [д], [тʼ] — [дʼ], [ф] — [в], [фʼ] — [вʼ], [с] — [з], [сʼ] — [зʼ], [ш] — [ж], [шʼ] — [жʼ], [к] — [г], [кʼ] — [гʼ]. В чувашском языке противопоставление шумных согласных по признаку звонкости/глухости отсутствует, и ослабление (полузвонкое произношение) шумных согласных обусловлено фонетическим положением, то есть не является дифференциальным признаком.

Корреляция согласных по твердости/мягкости в русском языке является независимым признаком, а в чувашском языке также зависит от фонетического положения. Если согласный стоит в соседстве с гласным переднего ряда, выступает в мягком варианте; с гласным заднего ряда — в твердом варианте, то есть твердость/мягкость является сингармонически обусловленной: *пар* [пар] «давать» — *пер* [пʼерʼ] «бросать», *турă* [турь] «бог» — *турĕ* [тʼурʼь] «прямой».

В русском языке отсутствуют долгие согласные. В чувашском языке долгих согласных также нет, но чувашская фонетика характеризуется обилием так называемых двойных согласных, или геминат, что накладывает на чувашскую фонетику весьма своеобразный отпечаток.

Влияние двуязычия на чувашский язык в области консонантизма заключается в появлении новых фонем [ц] и [ф]: *цирк*, *футбол* и др. По мнению большинства исследователей, в иноязычном пласте лексики используются еще 5 фонем: [б [п]], д [т], г [к], з [с], ж [ц]]. Процесс заимствования этих фонем следует считать явлением незавершившимся, в чувашском языке они не являются вариантами глухих, другими словами, так называемые заимствованные «звонкие» согласные не вступают в какие-либо системные противопоставления с собственно чувашскими фонемами.

В общем, трактовки фонемного состава заимствованных слов в чувашском языке сильно разнятся, поэтому эта тема требует дальнейшей разработки, и ей следует уделять больше внимания.

3. Влияние русского языка и двуязычия на чувашский язык в первую очередь состоит в том, что чувашская письменность изначально основывалась на кириллице и во все периоды своего функционирования не отходила от этого.

Старописьменный период характеризуется тем, что научиться более или менее правильно читать и писать по-чувашски можно было лишь после овладения русским языком и письменностью, то есть в этот период четко наблюдается сакрализация русского языка и русской орфографии. Эта письменность создавалась русскими миссионерами и, прежде всего, для русских священников.

Яковлевский период отличается созданием новой фонематической письменности, которая была односистемной и удобной для усвоения. Однако под давлением духовенства, стоявшего на позициях сакрализации церковно-религиозного языка, И.Я. Яковлев был вынужден внести изменения. Уже с 1874 г. иноязычные слова, заимствуемые из русского и церковнославянского языков, стали передаваться средствами русского и церковнославянского алфавитов, хотя таких знаков в чувашском алфавите не было. Таким образом была заложена двусис-

темная орфография в чувашской письменности, причина которой — сакрализация русского и церковнославянского языков и орфографий.

В *советский период* в конце 1918 г. чувашские печатные органы перешли на односистемное письмо, однако оно продержалось лишь около 10 лет. Начиная с 1927 по 1949 г. шаг за шагом в чувашский алфавит были введены все буквы русского алфавита. Эту письменность уже невозможно расценивать как *фонематическую*, ее следует называть *этимологической*. Несмотря на огромные недостатки современной чувашской орфографии, на сегодня нет условий для ее изменения. Выход из создавшейся ситуации исследователи видят в упорядочении орфоэпии литературного языка. По мнению Э. Алос-и-Фонт, орфоэпические нормы, нарушающие фонологическую основу языка, являются намного более опасными, чем согласие на иноязычное правописание заимствований.

Имеет место также мнение о необходимости возврата к письму Н.И. Золотницкого и первому варианту алфавита И.Я. Яковлева. Поддерживающие эту идею аргументируют ее все более возрастающей ролью русского языка и письменности, с чем мы категорически не согласны.

В советский период происходило мощнейшее давление властей на чувашскую письменность. В этот период мы имеем дело с явными признаками продолжения сакрализации русского языка и орфографии.

4. Что же касается чувашской орфоэпии, то следует констатировать печальный факт: она, в сущности, отсутствует. Особую сложность в связи с этим представляет произношение заимствований. Для введения в чувашский литературный язык единых норм произношения заимствованных слов требуется значительная работа по их регламентации, но на сегодняшний день орфоэпия является самым неразработанным разделом чувашского языкознания.

5. Касаясь вопроса акцентуации, исследователи отмечают, что в заимствованных в новейшее время из русского языка или через посредство русского языка слова ударение остается на своем месте. Однако необходимо отметить следующее: сохранение места ударения языка-источника в боль-

шинстве случаев не нарушает систему чувашского ударения. На наш взгляд, в заимствованных словах типа *обязательство, опера, организатор, общество, председатель* и др., скорее всего, можно усмотреть двусистемность орфографии, а не нарушение законов чувашского ударения. В акцентуационном отношении такие слова не отличаются от природных чувашских слов: *обязáт[ь]льств[ь], óп[ь]р[ь], организáт[ь]р, óбщ[ь]ств[ь], председáт[ь]ль*. В рамки закономерностей чувашского ударения не вписывается акцентуация заимствованных слов, имеющих в языке-источнике заударные гласные [у], [ы], [и]: *тéннис, нотáриус, кри́зис, автóбус, óпыт, хáими* и др.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Котлеев В.И.* Фонетика // Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 38.
- ² *Котлеев В.И.* Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ: фонологи очеркĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1981. С. 88.
- ³ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. Чебоксары, 1954. С. 148.
- ⁴ *Андреев И.А., Уськин А.С.* О соотносительных рядах согласных фонем в современном чувашском литературном языке // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 112.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. Чебоксары, 1971. С. 126.
- ⁷ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык... 1954. С. 148.
- ⁸ *Степанова Е.Н.* Звуковой состав чувашского языка в сравнении с немецким // Ученые записки / МГПИИЯ. Т. 8: Экспериментальная фонетика и психология речи: 6-й сб. трудов Лаборатории эксперим. фонетики и психологии речи. М., 1954. С. 93.
- ⁹ Там же. С. 101.
- ¹⁰ *Котлеев В.И.* К вопросу о составе согласных фонем чувашского языка // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 28: Филологический сборник. Чебоксары, 1965. С. 75.
- ¹¹ *Котлеев В.И.* Фонетика // Тĕпчев ёĕсем / ЧНТИ. 83-мĕш кăл.: Хальхи чăваш чĕлхин фонетики, графика тата орфографийĕ. Шупашкар, 1978. С. 33—34.
- ¹² *Уськин А.С., Андреев И.А.* Указ. соч. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 134—135.
- ¹⁴ *Сергеев Л.П.* Урмарский говор чувашского языка // Чувашский язык: диалектологический аспект: избранные статьи. Т. 1. Чебоксары, 2008. С. 97.
- ¹⁵ *Мышкин З.Ф.* Обучение русскому произношению и интонации (в условиях чувашско-русского двуязычия). Чебоксары, 1979. С. 22—23.
- ¹⁶ *Алос-и-Фонт Э.* Орфография русских заимствований как кодификация подчиненного статуса чувашского языка и проблема нормы произношения // Чăваш орфографийĕн иртни, хальхи, пуласси. Регионсен аслăлăхпа ёслĕх конференцийĕн материалĕсем. Шупашкар, 2015. С. 125.
- ¹⁷ *Яковлев Н.Ф.* Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории) // История советского языкознания: некоторые аспекты общей теории языка: хрестоматия. М., 1988. С. 182.
- ¹⁸ Цит. по: *Комиссаров Г.И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке. Краткая характеристика эпохи // Проблемы письменной культуры. Материалы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения чувашского ученого и просветителя Ермия Рожанского. Чебоксары: ЧГИГН, 1992. С. 91—92.

¹⁹ Лингвистический анализ и комментарии см.: *Яковлев П.Я.* Переводы «Отче наш» в свете становления и развития письменности чувашского языка // Родной язык: лингвистический журнал. 2019. № 1. С. 9—40.

²⁰ *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху. Развитие социальных функций и литературных норм. Чебоксары, 1980. С. 164.

²¹ Отчеты Общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921—1923 годы / издание общества. Чебоксары: Тип. Чувашиздата, 1924. С. 20—21.

²² *Петров Н.П.* История чувашской графики // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 34: Филология. Чебоксары, 1967. С. 100—116; *Его же. И.Я. Яковлев* — создатель чувашской письменности и литературного языка // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 42. Чебоксары, 1969. С. 70—83.

²³ *Студенцов О.Р.* Новые хронологические рамки чувашской письменности дояковлевского и яковлевского периодов // Чувашская письменность: история и современность: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 38.

²⁴ Там же. С. 42.

²⁵ *Durmuş O.* 18. yüzyıl Çuvaşçasının söz varlığı. Edirne, 2014. 553 s.

В данной работе, написанной на турецком языке, проанализированы все известные письменные памятники чувашского языка XVIII в. и приведен полный словарь лексем, зафиксированных в них.

²⁶ Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. На чувашском языке. Пирён Туррамёр Иисус Христос хунă Çенё Сăмах. Симбирск, 1911.

²⁷ *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху. С. 173.

²⁸ *Андреев И.А.* Орфография чувашского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. М., 1973. С. 279.

²⁹ *Алос-и-Фонт Э.* Указ. соч. С. 126.

³⁰ Там же.

³¹ *Котлеев В.И.* Современное чувашское письмо и вопросы фонологии // 100 лет новой чувашской письменности = Çенё чăваш сьрулăхĕн 100 сÛлĕ: сб. статей. Чебоксары, 1972. С. 130.

³² Там же.

³³ *Яковлев Н.Ф.* Указ. соч. С. 183.

³⁴ *Павлов И.П.* Вырăс чĕлхинчен йышăннă сăмахсенчи аффикс вариантĕсем пирки // Чĕлхе культури ыйтăвĕсем. 2-мĕш кĕн.: Стилистика, лексика, орфографи, орфоэпи. Шупашкар, 1972. С. 111—116.

³⁵ *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху. С. 151—152.

³⁶ *Петров Н.П.* Там же. С. 160.

³⁷ *Горшков А.Е.* Орфоэпия // Современный чувашский литературный язык. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 85—94.

³⁸ Там же. С. 93—94. Знак ударения в оригинале стоит после ударной гласной. В остальном сохранена авторская транскрипция со всеми ошибками.

³⁹ Там же. С. 94.

⁴⁰ *Петров Н.П.* Чувашский язык в советскую эпоху. С. 158—160.

⁴¹ *Маслов Ю.С.* Введение в языковедение. М., 1976. С. 95—96.

⁴² *Златоустова Л.В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962. С. 150—151.

⁴³ *Соколова М.А.* Экспериментально-фонетическое исследование словесного ударения в английском языке // Ученые записки / МГПИИЯ им. М. Тореза. 1960. Т. 20: Экспериментальная фонетика и психология речи. С. 373—417.

⁴⁴ *Селезнева И.С.* Восприятие словесного ударения // Ученые записки / МГПИИЯ им. М. Тореза. 1960. Т. 18: Экспериментальная фонетика и психология речи. С. 359—389.

⁴⁵ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык... 1971. С. 111.

⁴⁶ *Горшков А.Е.* Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963. С. 105.

⁴⁷ Выпадение конечного гласного в заимствованиях из русского языка наблюдается и в других тюркских языках, например, татар. *ән'тик — ап'тека, гә'зит — га'зета* и др. Об этом см.: *Ахунзянов Э.М.* Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968. С. 258.

⁴⁸ *Горшков А.Е.* Роль русского языка в развитии... С. 122.

⁴⁹ Там же. С. 120. Здесь автор указывает на связь стечения согласных с сохранением конечного гласного.

⁵⁰ Некоторые исследователи считают, что и эти слова имеют тюркское происхождение.

⁵¹ *Сергеев Л.П.* О памятниках чувашской письменности XVIII века // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 46: Филология. Чебоксары, 1970. С. 230.

⁵² *Ванеркке.* Ют чѐлхесенчен хутшăннă сăмахсен пѐчѐк словарѐ. Шупашкар, 1924.

⁵³ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык... 1971. С. 35.

⁵⁴ *Петров Н.П.* Некоторые наблюдения над фонетическим развитием чувашского литературного языка в советский период // Ученые записки / ЧНИИ. Вып. 32: Вопросы чувашской литературы и языка. Чебоксары, 1966. С. 133—134.

⁵⁵ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык... 1971. С. 199.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

I. Звуковые системы чувашского и русского языков

1.1. Система гласных фонем чувашского языка	4
1.2. Система гласных фонем русского языка	6
1.3. Система согласных фонем чувашского языка	7
1.4. Система согласных фонем русского языка	9
1.5. О долгих согласных в русском языке	10
1.6. Основные отличия в системе консонантизма между русским и чувашским языками	11
1.7. К вопросу о заимствованных фонемах и влиянии двуязычия на фонологическую систему чувашского языка	13

II. Двуязычие и чувашская письменность

2.1. Кириллица на основе русской графики	22
2.2. Разновидности латиницы	23
2.3. О периодизации	25
2.4. Дояковлевский, или старописьменный, период. Сакрализация русского языка и письменности	26
2.5. Яковлевский период	27
2.6. Советский период	29
2.7. О нормализации орфографии заимствованных слов и теоретических обоснованиях	33

III. Двуязычие и чувашская орфоэпия 35

IV. Влияние двуязычия на систему чувашского ударения 42

Заключение	48
Литература и примечания	52

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 33

ЯКОВЛЕВ Петр Яковлевич

**Двуязычие и чувашская фонетика:
пути решения теоретических
и практических проблем**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2020 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 2.02.2021. Формат 60×84¹/16.

Печать оперативная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Физ. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,62.

Заказ № 3. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1